

— 102 —

Симбирскія Вѣстникъ

ВѢСТНИКЪ
СѢВЕРНО-ВЪСТОЧНОЙ
СИБИРИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

15-го мая

№ 10.

1912 года

ГОДЪ

Подписка принимается въ редакціи при
Симбирской Духовной Консисторіи.
Цѣна годовому изданію съ доставкой и
пересылкою 4 руб. 50 коп.

XXXVII.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Копія ВЫСОЧАЙШЕЙ грамоты на имя Его Пресвященства, Пресвящен-
нѣйшаго Веніамина, Епископа Симбирскаго и Сызранскаго.

*Пресвященному Веніамину,
Епископу Симбирскому и Сызранскому.*

Въ Монаршемъ вниманіи къ святительскому служе-
нію Вашему, исполненному, заботѣ о возвышеніи благолѣпія
службъ церковныхъ, объ умноженіи храмовъ Божіихъ и благо-
устроеніи церковныхъ школъ, Всемиловитвѣйше со-
причислили Мы васъ къ Императорскому ордену Нашему
Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго,

когого знаки, при семъ препровождая, **ПОВЕЛѢВАЕМЪ** вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію **Нашею** благосклонны.

На подлинной Собственной **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** рукою начертано: „**НИКОЛАЙ**“.

Въ Ливадіи.

6 мая 1912 г.

Изъ предложенія Его Преосвященства Симбирской Духовной Консисторіи, отъ 8 мая 1912 года № 2351:

По **ВЫСОЧАЙШЕМУ** соизволенію, вызываемый для присутствованія въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, 21 сего мая я отправляюсь въ С.-Петербургъ.

Всѣ пакеты, на мое имя адресованныя, за исключеніемъ частныхъ писемъ, имѣеть вскрывать и давать бумагамъ надлежащее направленіе личный мой секретарь.

По прошеніямъ о предоставленіи священноцерковнослужительскихъ мѣстъ Консисторія имѣеть заготовлять справки, по жалобамъ назначать производство слѣдствій и т. дал.

Что-же касается рукоположенія въ священныя степени лицъ, назначенныхъ мною на священническія и діаконскія мѣста, а равно посвященія въ стихарь псаломщиковъ, то заготовить отъ моего имени отношенія Высокопреосвященнѣйшему Іакову, Архіепископу Казанскому и Свіяжскому и Преосвященнѣйшему Симеону, Епископу Самарскому и Ставропольскому съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ рукоположеніи тѣхъ ставленниковъ на священнослужительскія мѣста Симбирской епархіи, дѣла коихъ будутъ направляться къ нимъ подвѣдомственной мнѣ Консисторіею, съ надлежащимъ удостовереніемъ о личности ставленника.

Указъ Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Веніамину Епископу Симбирскому и Сызранскому.

По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій

Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложеніе бывшаго Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 12 февраля 1911 г. № 5772, по отношенію Правленія Кіевской духовной семинаріи, въ коемъ объясняя, что Епархіальные Съѣзды духовенства Кіевской епархіи обращаются въ Правленіе семинарій съ требованіемъ представлять имъ экономическіе отчеты и смѣту по содержанію дома семинаріи, а равно дѣлаютъ указанія Правленію семинаріи о способѣ составленія смѣты по означенной статьѣ, Правленіе проситъ разъяснить, обязано ли оно давать отчетъ во всей суммѣ, расходуемой на содержаніе семинарскихъ зданій, Епархіальнымъ Съѣздамъ духовенства, а равно представлять имъ смѣту и подчиняться указаніямъ Съѣзда относительно способовъ ея составленія, и 2) представленіе Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго, отъ 24 ноября 1911 г. № 6736, съ ходатайствомъ о распоряженіи къ представленію Правленіемъ Кіевской духовной семинаріи Епархіальнымъ Съѣздамъ духовенства полностью отчета о приходѣ и расходѣ по содержанію не только дома, но и воспитанниковъ семинаріи. ПРИКАЗАЛИ: Принимая во вниманіе, что разрѣшеніе возбужденныхъ Преосвященнымъ Флавіаномъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Правленіемъ Кіевской духовной семинаріи вопросовъ объ участіи Епархіальныхъ Съѣздовъ въ составленіи смѣты и повѣркѣ отчетовъ по содержанію духовныхъ семинарій и воспитанниковъ оныхъ, имѣетъ существенное значеніе и для другихъ, кромѣ Кіевской, епархіи, и что высказываемыя въ этомъ отношеніи пожеланія тѣхъ же Съѣздовъ признаны справедливыми образованной Святѣйшимъ Синодомъ Комиссіей по разсмотрѣнію специальной смѣты Святѣйшаго Синода на 1911 г., Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разъяснить Правленіямъ духовныхъ семинарій, что, по желанію Епархіальныхъ Съѣздовъ духовенства и съ разрѣшенія Епархіальныхъ Преосвященныхъ, семинарскія Правленія должны представлять ежегодно на разсмотрѣніе сихъ Съѣздовъ смѣты по тѣмъ статьямъ содержанія семинарій и воспитанниковъ оныхъ, на кото-

рыя ассигнуются суммы изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, съ указаніемъ размѣра кредитовъ, ассигнуемыхъ на тѣ же надобности изъ средствъ Святѣйшаго Синода, и того, на какія именно надобности распредѣляются ассигнованныя изъ указанныхъ источниковъ суммы, а также представлять Съѣздамъ по истеченіи гражданскаго года отчетъ въ израсходованіи суммъ, отпущенныхъ по тѣмъ же статьямъ содержанія семинарій и воспитанниковъ оныхъ, какъ изъ мѣстныхъ средствъ такъ и изъ синодальныхъ средствъ, или другихъ источниковъ; что же касается возможныхъ указаній со стороны Епархіальныхъ Съѣздовъ духовенства Правленіямъ семинарій относительно составленія означенныхъ смѣтъ и отчетовъ, то таковыя указанія подлежатъ исполненію со стороны семинарскихъ Правленій лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ утверждены Епархіальнымъ Преосвященнымъ; о чемъ и послать Епархіальнымъ Преосвященнымъ циркулярные указы.

Апрѣля 7 дня 1912 года.

Отношеніемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. отъ 17 минувшаго апрѣля за № 15404, сообщено, что, по всеподаннѣйшему докладу его ходатайства причта и членовъ церковнаго попечительства с. Кіяти, Буинскаго у., о пособіи на ремонтъ храма, Государь Императоръ въ 15 день минувшаго марта Всемилостивѣйше соизволил пожаловать на означенный предметъ отъ Монаршихъ щедротъ 4400 руб.

Настоящее отношеніе печатается во исполненіе резолюціи Его Преосвященства, отъ 10 апрѣля 1912 года № 1748.

*Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь.*

Постановленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 31 января—6 февраля 1912 г. № 983, Комитету по возстановленію Отрапонтова Вѣлозерскаго монастыря разрѣшенъ Всероссийскій

тарелочный сборъ на возстановленіе древняго собора монастыря, въ коемъ почиваютъ мощи преподобнаго Мартиніана. Сборъ назначенъ на 27 мая сего года въ день памяти преподобнаго Оерапонта.

Храмы монастыря и особенно соборъ (15 вѣка) являются выдающимися памятниками какъ въ архитектурномъ отношеніи, такъ и по росписи, сохранившейся отъ временъ Великаго Князя Московскаго Іоанна III, освободителя Руси отъ татаръ. Роспись исполнена иконникомъ Діонисіемъ съ сыновьями и является единственной во всей Россіи, такъ какъ другія росписи Діонисія, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Московскихъ и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, до насъ не дошли.

Монастырь, между прочимъ, былъ мѣстомъ заточенія въ теченіе 10 лѣтъ патріарха Никона.

Въ настоящее время монастырь не имѣетъ ни средствъ, ни угодій, ни доходовъ. Храмы его находятся на краю разрушенія, дали трещины, полы провалились, роспись пропадаетъ.

Столь замѣчательный памятникъ не можетъ и не долженъ погибнуть на Руси.

Общество сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины, признавая исключительное значеніе за Оерапонтовымъ монастыремъ, испросило Всероссійскій сборъ на его возстановленіе и въ лицѣ моемъ прибѣгаетъ къ Вашему Преосвященству, покорнѣйше прося Васъ не отказать въ Вашемъ Архипастырскомъ содѣйствіи и распоряженіи о напечатаніи воззванія о пожертвованіяхъ въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Ваше Преосвященство приказаніемъ исполнить это ходатайство несказанно меня обяжете.

Испрашивая Вашего Архипастырскаго благословенія, вмѣю честь быть Вашего Преосвященства покорный слуга.

(Подп.) *Князь А. Оболенскій.*

Архіерейскія служенія и рукоположенія Его Пресвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Веніаминомъ совершены:

7 марта, въ среду пятой седмицы Вел. поста—чтеніе канона Андрея Критскаго въ Крестовой церкви.

9 марта, въ пятницу 5 седм. В. поста—Акаѳистъ Божіей Матери въ Крестовой церкви.

10 марта, въ субботу. Литургія въ Крестовой церкви, за литургіей рукоположены: діаконовъ Александръ Раждаевъ во священника въ с. Жабино, Ардатовскаго уѣзда; псаломщикъ Всѣхсвятской г. Симбирска церкви. Владиміръ Агровъ, опредѣленный на священническое мѣсто въ село Таволжанку, — во діакона; псаломщикъ с. Ляховки, Симбир. у., Василій Кузьмичевъ посвященъ въ стихарь.

11 марта, въ нед. 5 поста. Литургія въ церкви при Епархіальной богадѣльнѣ; за литургіей діаконовъ Агровъ рукоположенъ во священника.

13 марта, литургія Преждеосвященныхъ даровъ въ Каѳедральномъ Соборѣ, послѣ литургіи Вселенская панихида по Архіепископѣ Николаѣ (Японскомъ).

17 марта, въ нед. Вай.—Всенощное бдѣніе и литургія въ Каѳедральномъ Соборѣ, за литургіей псаломщикъ Ильинской г. Сызрани церкви, Богородицкій рукоположенъ во діакона, съ оставленіемъ на псал. вакансіи.

19 марта, въ Великій понедѣльникъ — литургія Преждеосвященная въ Крестовой церкви; за литургіей псаломщикъ Курмышскаго Собора Владиміръ Петровъ рукоположенъ во діакона съ оставл. на псалом. вакансіи.

20 марта, Вел. вторникъ—литургія Преждеосвященная въ Крестовой церкви, за литургіей псаломщикъ села Китовки, Карсун. у., Сергій Палатовъ, опредѣленный на священ. мѣсто къ церкви с. Чирикова, Сенгилеевскаго уѣзда, рукоположенъ во діакона.

21 марта, Вел. среда, литургія Преждеосвященная въ Крестовой церкви, за литургіей псаломщикъ Богоявленской г. Симбирска церкви, Иванъ Разумовскій рукоположенъ во діакона съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи.

22 марта, Вел. четвергъ- литургія въ Каѳедральномъ Соборѣ, за литургіей рукоположены: діаконъ Сергій Палатовъ во священника, псаломщикъ села Алова, Алатырскаго у., Алексѣй Цвѣтковъ во діакона къ церкви с. Анастасова, Курмышскаго уѣзда; вечеромъ чтеніе двѣнадцати Евангелій.

23 марта, Вел. пятница. Великая вечерня въ Каѳедральномъ Соборѣ.

24 марта, Великая суббота. Утреня въ Каѳедральномъ Соборѣ, литургія въ Крестовой церкви, за литургіей псаломщикъ Смоленской г. Симбирска церкви Николай Архангельскій рукоположенъ во діакона, съ оставленіемъ на псаломщ. вакансіи.

25 марта. Пасха. Утреня и ранняя литургія въ Каѳедральномъ Соборѣ и въ три часа Великая вечерня.

26 марта, понедѣльникъ—литургія въ Крестовой церкви, за литургіей псаломщикъ Воскресенской г. Симбирска церкви, Архангельскій рукоположенъ во діакона съ оставленіемъ на псалом. вакансіи.

27 марта, вторникъ литургія въ Спасскомъ женскомъ монастырѣ г. Симбирска.

31 марта, суббота—литургія въ Покровскомъ монастырѣ.

1 апрѣля, въ нед. о Ѳомѣ—литургія въ Каѳедральномъ Соборѣ.

8 апрѣля, въ нед. Женъ-Мироносицъ—литургія въ церкви Трехъ-святителей, что при Симбирской Дух. семинаріи, за литургіей Николай Мыльниковъ, опредѣленный въ Томскую епархію во священника, рукоположенъ во діакона; послѣ литургіи панихида по архіепископѣ Гуріи Новгородскомъ.

15 апрѣля, въ нед. о Разслабленномъ -- литургія въ Крестовой церкви, за литургіей рукоположены: діаконъ Николай

Мыльниковъ во священника, окончившій Дух. семинарію Николай Цвѣтковъ, опредѣленный въ с. Молвино, Сентилеевскаго у., во священника—рукоположенъ во діакона.

18 апрѣля, среда преполовленіе Пятидесятн. — литургія въ Петропавловской церкви и послѣ литургіи крестный ходъ на рѣку для освященія воды; за литургіей рукоположены: діаконъ Николай Цвѣтковъ во священника, псаломщикъ Владимірскаго г. Симбирска церкви Василій Смирновъ во діакона къ оставленіемъ на псалом. вакансіи; псаломщикъ с. Руньги, Буинскаго у., Николай Дементьевъ посвященъ въ стихарь.

22 апрѣля, въ нед. о Самарянынѣ — литургія въ Крестовой церкви, за литургіей псаломщикъ с. Сыратина, Ардатовскаго у., Семень Сергіевскій рукоположенъ во діакона къ церкви с. Папузы, Карсунскаго уѣзда; послѣ литургіи освященіе мѣста для престола въ новостроющейся церкви на Куликовскомъ поселѣ.

Отъ Комитета Симбирской епархіальной эмеритальной кассы.

Извѣщеніе

Извѣщая о смерти и. д. псаломщика Кіево-Николаевскаго женскаго монастыря г. Ардатова — діакона Сергѣя Прозорова, заштатнаго діакона с. Шамкина, Буинскаго у. Александра Данилова, и. д. псаломщика слободы Часовни — діакона Александра Нѣмкова, платившихъ взносы по 2-му разряду, Комитетъ эмеритальной кассы приглашаетъ участниковъ кассы взаимопомощи сдѣлать въ пользу семействъ умершихъ установленные взносы.

Отъ Совѣта Алатырскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Пріемный экзамень по Закону Божію и письменный по Русскому языку во всѣ классы училища назначается на 11-е іюня, и на 12-е іюня пріемныя испытанія для поступающихъ во всѣ классы училища по всѣмъ предметамъ.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи **А. Жуковъ.**

Симбирскъ. Типо-литографія А. Т. Токарева.

Владивостокская епархиальная ведомость.

15-го мая

№ 10.

1912 года.

отдѣлъ неофициальный.

Архіепископъ Николай Японскій. *)

Апостолъ Японіи,—вотъ кто будетъ предметомъ настоящаго чтенія, предлагаемаго вниманію этого почтеннаго собранія. Уже при одномъ словѣ „Апостолъ“ и при самомъ бѣгломъ взглядѣ на великость этого знаменія нашего времени — какъ-то невольно переносишься въ область священной евангельской исторіи, святыми впечатлѣніями которой обвѣваютъ насъ теперь еще продолжающіяся пасхальныя торжества, и невольно сближаешь эту современную намъ знаменательную жизнь съ тѣмъ чуднымъ давно прошедшимъ. Что насъ тамъ особенно поражаетъ, умиляетъ, такъ—это крайняя простота и едва замѣтныя движенія, приводящія потомъ къ величайшимъ міровымъ событіямъ.—Вотъ простое и кроткое слово „иди по Миѣ“ дѣлаетъ простыхъ галилейскихъ поселянъ великими проповѣдниками Царства Божія. Вотъ, повидимому, самая заурядная встрѣча Луки и Клеопы съ „незнакомцемъ“ зажигаетъ ихъ сердца неугасимымъ пламенемъ вѣры... А вотъ еще встрѣча, когда, въ сумракѣ ранняго утра на берегу Генисаретскаго озера, изстрадавшаяся душа ученика-отреченца милостиво восстанавливается въ званіи апостольскомъ и опять простымъ, но чуднымъ по благодати, повелѣніемъ: „паси агнцы Моя“ и „паси овцы Моя“ (Іоанн. 21, 1—17).

*) Прочитано на „Миссіонерскомъ вечерѣ“ въ Симб. епарх. женск. училищѣ.

Такъ бываетъ и нынѣ. Такъ чѣмъ-то евангельскимъ благоухаетъ и повѣсть о жизненномъ подвигѣ Японскаго Архiepископа Николая *). Юнь 1860 года въ Петербургской духовной академіи. Одинъ изъ студентовъ старшаго отдѣленія, проходя какъ-то по комнатамъ академіи, „совершенно машинально“ остановилъ свой взоръ на лежавшемъ листѣ бѣлой бумаги и прочиталъ такія строки: „Не пожелаетъ ли кто отправиться въ Японію на должность настоятеля посольской церкви въ Хакодате и приступить къ проповѣди православія въ указанной странѣ.“ — „А что, не поѣхать ли мнѣ,“ — рѣшилъ студентъ, и въ тотъ же день за всею ночью онъ уже принадлежалъ Японіи. Этотъ студентъ былъ Иванъ Дмитріевичъ Касаткинъ, родомъ изъ діаконской семьи села Березы, Вѣльскаго у., Смоленской губ., получившій среднее образованіе въ Смоленской духовной семинаріи. Впослѣдствіи онъ самъ засвидѣтельствовалъ, что въ этомъ рѣшеніи далеко не все было человѣческое. „Будучи отъ природы жизнерадостнымъ“, повѣдалъ онъ, „я не особенно задумывался надъ тѣмъ, какъ устроить свою судьбу. На послѣднемъ курсѣ духовной академіи я спокойно относился къ будущему, сколько могъ, веселился и какъ-то отплясывалъ на свадьбѣ у своихъ родственниковъ, не думая о томъ, что чрезъ нѣсколько времени буду монахомъ.“ Въ дѣйствительности такъ и вышло: 26 юня 1860 года, еще за годъ до окончанія курса, студентъ Иванъ Дмитріевичъ Касаткинъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Николая, а 30 юня посвященъ въ санъ іеромонаха и въ этомъ скромномъ званіи вскорѣ же отправился въ Хакодате на должность настоятеля первой въ Японіи русской консульской церкви. Великія трудности тогдашняго путешествія по Сибири, еще не имѣвшей гладкаго рельсоваго пути, выпудили іеромонаха Николая зазимовать въ дорогѣ, такъ что къ мѣсту своей службы онъ могъ прибыть только черезъ годъ.

*) Отдых. Христ. 1910 г. авг., 1912 г. февр. и мр. Церк. Вѣд. 1910 г. № 26; 1912 г. № 6. 11, 12—13... Цер. Вѣст. 1910 г. № 25, 1912 г. № 6; Стран. 1912 г. мр.

Не охладѣло отъ этого его рвеніе. Напротивъ, дорогой, по его собственному признанію, онъ много мечталъ о своей Японіи. Она рисовалась въ его воображеніи, какъ невѣста, поджидывшая его прихода съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ. „Вотъ“, думалось ему, „пронесется въ ея тѣмѣ вѣсть о Христѣ и все обновится“. „Пріѣхалъ, смотрю, моя невѣста“, писалъ онъ, „спитъ самымъ прозаическимъ образомъ и даже не думаетъ обо мнѣ.“ Еще хуже того. Какое обнаружилось ужасное противорѣчіе мечтѣ! За нѣсколько лѣтъ до сего времени въ Японіи было страшное гоненіе на христіанъ католическаго вѣроисповѣданія. Христіанъ пытали, убивали и даже цѣлыми семействами, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, распинали на крестахъ, длинными вереницами разставляя эти кресты по проѣзжимъ дорогамъ. Ненависть къ христіанству еще не замерла и къ пріѣзду іеромонаха Николая. Японцы еще и теперь считали христіанство сектой злодѣевъ. Языческое правительство издало даже такой указъ, что если „даже самъ христіанскій Богъ явится въ Японію, то и Ему голову долой.“ Дыханіе такой злобы тяжело чувствовалось на первыхъ порахъ и іеромонахомъ Николаемъ, какъ христіаниномъ да еще русскимъ духовнымъ лицомъ. Надъ нимъ издѣвались; его травили собаками, въ него бросались камнями. А одинъ жрецъ древней языческой религіи синто, Савабе, пришелъ къ нему прямо съ цѣлю убить его. Но съ этой же встрѣчи нашему миссіонеру явно засвѣтило Божіе благоволеніе. Савабе непременно убилъ бы іеромонаха Николая, но какой-то внезапный переворотъ, происшедшій въ душѣ его, подвліяніемъ миссіонерскихъ уроковъ, вскорѣ привелъ языческаго бонзу къ христіанскому крещенію. Этотъ въ нѣкоторомъ родѣ японскій „Савль“ изъ страшнаго ненавистника христіанства сталъ потомъ весьма цѣннымъ помощникомъ Николаю, такъ какъ всѣ свои силы, неутомимую энергію, умъ, хорошую образованность, краснорѣчіе и всю жизнь отдалъ на дѣло просвѣщенія своихъ соотечественниковъ свѣтомъ православія. То

было время еще до 1870 года, когда крещенія могли совершаться, страха ради смертнаго, только съ величайшею осторожностью, на чердакахъ и въ другихъ потаенныхъ мѣстахъ. Но и тогда уже пылкій *Павель* Савабе (такъ называлъ сьоего перваго духовнаго сына, крещеннаго собственноручно, нашъ православный миссіонеръ) часто нуждался въ сдерживаніи, что бы не подвергнулся смертной казни раньше, чѣмъ могъ что-либо сдѣлать. При такихъ обстоятельствахъ все первое десятилѣтіе пошло лишь на подготовку къ осуществленію миссіонерской мечты. Съ величайшею настойчивостью іеромонахъ Николай изучалъ японскій языкъ, про который первые католическіе миссіонеры писали, что онъ такъ труденъ, что представляется изобрѣтеннымъ самимъ дьяволомъ съ цѣлію оградить Японію отъ христіанскихъ миссіонеровъ, изучалъ и китайскій языкъ, тѣсно связанный съ япон., японскую литературу религіозную и философскую, исторію страны, ея нравы и обычаи и настолько въ этомъ успѣлъ, что сталъ какъ бы природнымъ глубокообразованнымъ японцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ его созрѣвалъ и планъ задуманнаго великаго миссіонерскаго дѣла.

Съ 1871 года, послѣ того, какъ новымъ микадо, повинѣ царствующимъ, была объявлена въ Японіи вѣротерпимость, дѣятельность о. Николая перенесена была изъ Хакодате въ столицу Токио. Здѣсь учреждена была православная духовная миссія, въ составѣ нѣсколькихъ лицъ, начальникъ которой, самъ о. Николай, возведенъ былъ теперь въ санъ архимандрита. Дѣло проповѣди стало расширяться. Оживилась святая работа на новой нивѣ. О. Николай основалъ въ Токио миссіонерскую семинарію и женское училище. Подготавливались проповѣдники и катихизаторы. — Число новыхъ православныхъ христіанъ быстро возрастало, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножались по городамъ школы, молитвенные дома, часовни, около которыхъ группировались православныя общины. Закипѣла переводческая и издательская работа. Самъ о. Николай,

съ 1880 года уже епископъ, неутомимо трудится съ своими немногочисленными помощниками надъ переводами на японскій языкъ Свящ. Писанія, православныхъ богослужебныхъ книгъ, святоотеческихъ твореній, богословскихъ сочиненій, учебниковъ для школъ; надъ изданіемъ духовныхъ журналовъ и печатаніемъ въ нихъ статей религіозно-нравственнаго содержанія переводныхъ и оригинальныхъ, собственнаго составленія и японскихъ православныхъ авторовъ; внимательно слѣдитъ за преподаваніемъ въ семинаріи и самъ преподаетъ; подыскиваетъ достойныхъ катихизаторовъ и кандидатовъ священства, а также способныхъ юношей въ командировку въ Россію для обученія въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ. — Кромѣ того, онъ ежегодно объѣзжаетъ всѣ православныя общины, вездѣ проповѣдуетъ (часто и для язычниковъ, съ допущеніемъ, съ ихъ стороны возраженій), совершаетъ въ храмахъ богослуженіе, ведетъ и частныя бесѣды въ семействахъ, кого наставитъ, кого пожуритъ, кого утѣшитъ или ободритъ; въ Токио руководитъ соборами пастырей и мірянъ, ежегодно собирающимися для рѣшенія перковныхъ вопросовъ; изыскиваетъ средства на построеніе великолѣпнаго соборнаго храма въ Токио, храмовъ въ другихъ городахъ, часовенъ, школъ, для чего ведетъ обширную переписку съ горячо-любимой своей родиною, особенно съ христіанскою Москвою. Его трудовой день во время архипастырскихъ обзрѣній начинался съ 3-хъ часовъ утра и оканчивался поздно ночью. Всюду онъ первый и образцовый работникъ Христовой нивы. Его энергія, напоминающая энергію Великаго Павла, поддерживалась огнемъ истинно-апостольской ревности. — Чтобы яснѣе видѣть, какова была эта энергія, вспомнимъ здѣсь еще разъ первые шаги его дѣятельности, когда онъ, одновременно съ внѣшнимъ гоненіемъ, выдерживалъ страшную внутреннюю борьбу. „Одинъ Господь знаетъ, сколько мнѣ пришлось пережить мученій въ эти первые годы;“ писалъ онъ между прочимъ. „Всѣ три врага спасенія—міръ, плоть и діаволь—со всею

силою возстали на меня и по пятамъ слѣдовали за мною, чтобы повергнуть меня въ первомъ же темномъ и узкомъ мѣстѣ. И искушенія эти были самыя законныя по виду: развѣ я, какъ всякій челоуѣкъ, созданъ не для семейной жизни. Развѣ не можешь въ мірѣ блистательно служить Богу и ближнимъ. Развѣ, наконецъ, не нужны нынѣ люди для Россіи болѣе, чѣмъ для Японіи, и т. д. Тысячи наговоровъ вкладываютъ тебѣ въ уши, и это каждый день и часъ, и наяву, и во снѣ, и дома въ кельѣ, и на молитвѣ въ церкви. Много нужно силы душевной, великое углубленіе религіознаго чувства, чтобы побороть все это.“ А насколько сильно и ярко пламенѣлъ онъ апостольскою ревностію по славѣ имени Божія, видно изъ другихъ строкъ его письма: „Господь попустилъ насъ испытать гоненіе, но неизбѣжная туча уже пронеслась мимо. И какъ гроза оживляетъ красы природы, такъ минувшее испытаніе воспламенило еще болѣе и безъ того полныя ревности сердца чадъ Христовыхъ. Взгляните на этотъ молодой кипучій народъ. Онъ ли не достоинъ быть просвѣщеннымъ свѣтомъ евангелія. Въ Сендай бы теперь. Болѣе сотни вѣрующихъ жаждутъ тамъ св. крещенія. Въ Осака бы теперь; вездѣ сочувствующіе намъ, вездѣ жаждующіе насъ, вездѣ дѣло живое, животрепещущее вездѣ зачатки жизни полной, горячей, глубокой. И да внемлетъ Богъ моимъ словамъ, моей клятвѣ. Не вѣрите искренности моихъ словъ? Увы, я слишкомъ ясно сознаю, до нестерпимой боли чувствую самъ свою искренность. Что я? Имѣю косный и слабый языкъ возвѣщать дѣла Божіи. Но камень бы развѣ на моемъ мѣстѣ не заговорилъ?“

Великое испытаніе выпало на долю Епископа Николая и въ годину русско-японской войны. Но и въ это время онъ обнаружилъ драгоцѣнныя сокровища своей равноапостольной души. Онъ одинъ изъ русскихъ не выѣхалъ изъ Японіи, съ вначатіемъ военныхъ дѣйствій: дѣло Христово для него было выше національной политики, и онъ ни минуты не колебался

въ рѣшеніи остаться при своихъ духовныхъ чадахъ, ибо не былъ онъ наемникомъ, который бѣжитъ, потому что наемникъ, и не радитъ объ овцахъ (Іоан. 10, 13). На вопросъ православныхъ японцевъ, какъ имъ воевать съ русскими, отъ которыхъ они приняли вѣру, святитель отвѣчалъ: „Хотя вы, Японцы, и приняли православную вѣру отъ Россіи, но, не смотря на это, разъ она непріятельница ваша, сражаться съ нею вамъ долгъ. Воевать съ врагами не значитъ ненавидѣть ихъ, а только защищать свое отечество.“ Тяжко было ему во время войны, потому что онъ не переставалъ горячо любить свою родную Россію, и особенно тяжко было для него лишать себя великаго утѣшенія участвовать въ церковномъ богослуженіи, такъ какъ православные японцы должны были молиться о побѣдѣ своего отечества. Любя японцевъ во все время своего свыше 50 лѣтняго апостольскаго подвига и отдавая всѣ свои собственные матеріальныя средства то на школы, то на поддержаніе редакціоннаго дѣла, то на нужды бѣдняковъ, обездоленныхъ пожарами или очень частыми тамъ землетрясеніями, святитель Николай великую любовь являлъ и къ своимъ соотечественникамъ военноплѣннымъ, попадавшимъ на острова Японіи. Всѣ мѣры принялъ онъ къ тому, чтобы, по возможности, облегчить ихъ горькую участь. По его инициативѣ было образовано „товарищество духовнаго утѣшенія военноплѣнныхъ.“ Благодаря его попеченію для нихъ совершались богослуженія на славянскомъ языкѣ; больные напутствовались, мертвые погребались по православному чину. Въ Россію онъ посылалъ трогательныя воззванія о пожертвованіяхъ для плѣнниковъ книгами и вещами, необходимыми для того, чтобы хоть сколько нибудь скрасить ихъ печальную жизнь въ плѣну, вдали отъ родины.

За эту любовь и за всѣ труды и подвиги его любви Господь утѣшалъ его явными успѣхами миссіи. Для насъ достаточно сказать лишь о позднѣйшихъ плодахъ. По послѣднему отчету, подписанному еще самимъ Владыкой Николаемъ,

извѣстно слѣдующее: къ 1-му января 1912 года въ Японской православной церкви состояло: церковныхъ общинъ 266, христіанъ въ нихъ 33.017, священнослужителей 42, изъ нихъ трое — русскіе, учителей церк. пѣнія и вмѣстѣ причетниковъ — 14, проповѣдниковъ — 116, учащихся въ Токійской семинаріи было — 94, въ женск. учил. — 53, крещено въ теченіе года 1.082 человѣка. Юная церковь, при всей своей матеріальной бѣдности, прочно растетъ, чему много способствуетъ ея вполне національный характеръ, сообщенный ей сразу владыкой Николаемъ, а также то обстоятельство, что ростъ ея движется только путемъ искренняго глубокаго убѣжденія, безъ заискиваній у аристократовъ и богачей и безъ приманокъ широкой благотворительности, предваряющихъ самую проповѣдь, и безъ кричащихъ назойливыхъ рекламъ, обычныхъ у миссіонеровъ католическихъ и протестантскихъ. Личный составъ православныхъ дѣятелей состоитъ почти весь изъ японцевъ; богослуженіе совершается на японскомъ языкѣ, преподаваніе въ школахъ и печатаніе духовныхъ журналовъ производится также на японскомъ языкѣ.

Его подвигъ равноапостольной любви высоко оцѣненъ и цѣнится сынами родной православной Россіи, Верховною властію, Свят. Синодомъ, С.-Петербургскою духовною академіею, 2-ю его alma mater, жителями городовъ и особенно наиболее отзывчивой на его просьбы о пожертвованіяхъ первопрестольной Москвы. Но вотъ что знаменательно, онъ прославленъ и въ очахъ язычниковъ. Первоначальная подозрительность и ненависть язычествующаго японскаго общества къ нему, какъ выходцу изъ ненавистн. Россіи, замѣнилась потомъ почти благоговѣніемъ къ нему за его ревность по вѣрѣ, за его праведность по жизни, за его искренность, за его необычайно-высокую образованность въ области японской исторіи и литературы. А его русскій патріотизмъ не только не умалилъ, но еще болѣе увеличилъ чувство уваженія японцевъ къ нему. Никто, послѣ самого императора, не былъ такъ популяренъ

въ Японіи, какъ „святой Архіепископъ“ Николай. Такъ выражались о немъ даже язычники въ разговорахъ и письмахъ. А именемъ „Никорай,“ какъ выговариваютъ японцы, называли они и миссію, и Токійскій православный соборъ, и самое православіе. Его появленіе на улицахъ, обычно, въ самой простой рясѣ, съ тростью въ рукѣ, вызывало у православныхъ крики восторга, многіе язычники его также привѣтствовали, а дѣти японскія постоянно кружились вкругъ строгаго на видъ епископа.

И вотъ такого-то человѣка, такого воистину равноапостольнаго миссіонера мы лишились. 3-го февраля с. г. Господь отозвалъ его въ иной, лучшій, міръ, гдѣ онъ, твердо вѣруемъ, войдетъ въ радость Господа своего, такъ какъ, славно прошедши свой жизненный путь, умножилъ данные ему таланты въ безмѣрномъ количествѣ. Надо написать цѣлыя томы, чтобы болѣе или менѣе полно оцѣнить его миссіонерскіе труды. Да и это можетъ быть лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда найдутся ученые, способные разработать все, что онъ написалъ на японскомъ языкѣ. Тяжелая грусть сжимаетъ сердце, когда раздумываешь по-человѣчески объ уходѣ столь славнаго сѣятеля Божіаго сѣмени. Что будетъ теперь съ прекрасными всходами на Японской православной нивѣ? Будутъ ли они по прежнему бѣлѣть и созрѣвать къ жатвѣ? Одинокимъ онъ пришелъ туда и долгое время почти одиночно тамъ трудился. Теперь нѣтъ равнаго ему замѣстителя.

Но оставимъ это грустное раздумье. Воля Высочайшаго Сѣятеля и Верховнаго Пастыреначальника, живыми и мертвыми обладающаго, все можетъ исправить и направить, согласно своимъ, недовѣдомымъ намъ, премудрымъ планамъ.

Могила родного намъ апостола Японіи останется тамъ какъ нѣкій драгоценный краеугольный камень, который, вѣруемъ, всегда будетъ высоко цѣниться будущими строителями Японскаго Дома Божія, который будетъ также вѣчнымъ украшеніемъ въ вѣнцѣ православія.

А нашъ долгъ благоговѣнно склониться надъ этой могилой и проникнуть въ тѣ святыя миссіонерскіе завѣты, которые оставилъ намъ великій покойникъ. Вотъ золотыя слова, дошедшія до насъ отъ послѣднихъ годовъ праведной жизни Японскаго святителя: „Для миссіонера первое, что нужно, — это скромность, потомъ преданіе себя въ волю Божию. Менѣе всего нужно зависѣть отъ мнѣній и всякаго говора людей. вмѣстѣ съ тѣмъ сюда (въ Японію) нельзя ѣхать миссіонеру безъ всесторонняго богословскаго образованія. Здѣсь нуженъ голосъ убѣжденной сознательной вѣры. Надо быть снабженнымъ и глубокою вѣрою и аппаратомъ богословской учености. Безъ этого нельзя и ѣхать сюда.“ — Несомнѣнно много здѣсь, въ этихъ словахъ, руководящаго свѣта и для тѣхъ труженниковъ нашей миссіи, которые съ своими трудами не думаютъ переходить границы своей даже ближайшей родины своей губерніи — Но, кажется, еще ярче и еще шире разливается свѣтъ отъ того, что завѣщалъ намъ святитель Японскій самымъ дѣломъ своимъ, своею личностію и своимъ цѣло-жизненнымъ подвигомъ. Прислушаемся... Вотъ что безъ словъ, но краснорѣчивѣйшимъ образомъ, завѣщается намъ у могилы праведника: — И въ наше время не изсякла сила апостольской благодати, данной Церкви Бога Живаго, которая по этому и доселѣ *есть столбъ и утвержденіе истины* (I Тим. 3, 15). Труженники миссіи! Да не смущается сердце ваше! И въ наше время свѣтоносно православіе, если въ нѣдрахъ его возжигаются таковыя свѣтильники, ярко горящіе и свѣтящіе. Жива и животворяща наша православная церковь, если въ лицѣ Николаевъ Японскихъ объемлетъ своею крѣпкою любовью даже самыя отдаленныя и чуждыя намъ по плоти языческія націи, возраждая ихъ и тайноводствуя своими таинствами, богослуженіемъ, всѣмъ строимъ нашей родной церковности къ новой горячей и глубокой жизни во Христѣ. — Какъ радостно сознавать и воочию видѣть, что и доселѣ жизненно и живодѣйственно наше православное паствоство, если

носители его, вооруженные духовнымъ мечемъ — глаголомъ Божіимъ — добръ внимають вельнію Божественнаго Пастыреначальника: *будете Ми свидѣтели во Иерусалимъ же и во всей Иудей и Самаріи и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. 1, 8). — Побѣдный кличь Великаго Павла снова ясно слышится намъ, но на этотъ разъ уже не изъ Македоніи, а изъ далекой страны „восходящаго солнца“, кличь, ободряющій наиболѣе гонимыхъ въ мірѣ семь православныхъ дѣлателей: *насъ огорчаютъ, а мы радуемся; мы нищи, но многихъ обогащаемъ; мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ* (2 Кор. 6, 9 — 10). — Наконецъ, горячій призывъ несется къ намъ отъ ангела Японской церкви, не перестающаго, конечно, и за гробомъ беззавѣтно любить Христову истину и родную православную Русь, призывъ, выражаемый словами прекрасной пасхальной пѣсни: *теццте*, возлюбленные православные соотечественники, *и міру проповѣдите, яко воста Господь, умертвивый смерть, яко есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій* (Ипакои); — *теццте* вы, юноши, родные мнѣ питомцы духовно-учебныхъ заведеній, *теццте* и вы, питомцы женскихъ школъ духовенства и другихъ школъ, по стопамъ великихъ женъ евангельскихъ, предварившихъ свѣтлое утро воскресенія Христа; *тецы* же родная мнѣ по духу и племени идеальная молодежь, въ міры малые и великіе, въ міръ семьи и школы, въ міры церковныхъ приходоу, въ міры городовъ и деревень, и проповѣдуй силами ума и слова, всѣми силами своей отзывчивой и чуткой на добро души, своимъ православнымъ міровоззрѣніемъ и всѣмъ своимъ жизнеповеденіемъ, проповѣдуй язычникамъ стараго и новаго формата, что Христосъ — Богъ, спасающій чрезъ святую, соборную, апостольскую церковь родъ человѣческій.

Да, — скажемъ и мы идущему за нами подрастающему поколѣнію: — *теццте и проповѣдите* большому, маловѣрному и безвѣрному и богоборному современному міру, ибо нѣтъ болѣе славнаго теченія, чѣмъ то, по которому свѣтоносно

пронеслась вся жизнь Японскаго Николая, какъ есть вся, отъ послѣдняго школьнаго звонка вплоть до погребальнаго звона, проводившаго его въ блаженную вѣчность.

Рект. семин. прот. А. Стерновъ.

Изъ дневника паломника во Святую Землю.

Отъ Константинополя до Смирны.

(Продолженіе).

— 0 Было уже часовъ 10, когда мы вышли изъ подъ тѣнистыхъ и прохладныхъ сводовъ храма на улицу. Солнце уже чувствительно начало припекать. Весь городъ былъ на ногахъ. По улицамъ здѣсь и тамъ тянутся караваны верблюдовъ, важно выступающихъ за жожакомъ-осликомъ; то и дѣло снуютъ верховые на осликахъ; въ воздухѣ слышны рѣзкіе, гортанные звуки погонщиковъ, продавцовъ фруктовъ, лимонаду, кофе; послѣдній является любимымъ и общеупотребительнымъ на Востокѣ напиткомъ во всякій часъ дня. Чуть не передъ каждымъ домомъ, лавкой можно было видѣть, какъ турокъ, арабъ и др. или сидя на маленькомъ, низенькомъ табуретѣ или же прямо на коврикѣ, поджавъ подъ себя ноги калачикомъ, пьеть изъ маленькой чашечки кофе, попеременно потягивая въ тоже время кальянъ. Передъ глазами то и дѣло мелькають фізіономіи грековъ, турокъ арабовъ, евреевъ и проч. Среди всѣхъ національностей впрочемъ преобладають греки, составляющіе добрую половину 200000 населенія Смирны. Такая огромность и вмѣстѣ разноколиберность населенія дѣлаеть городъ очень оживленнымъ и бойкимъ, чему способствуетъ и его приморское положеніе, благопріятствующее развитію здѣсь торговли и промышленности. Большая часть товаровъ, вывозимыхъ изъ Малой Азіи, а равно и ввозимыхъ въ послѣднюю, идетъ чрезъ Смирну.

Ввиду того, что въ Смирнѣ предполагалось нами сдѣлать кое какія необходимыя для дальнѣйшаго путешествія закупки— шляпы, болѣе легкая одежда, обувь и т. п., мы оставили осмотръ прочихъ достопримѣчательностей города до обратнаго пути и направились по магазинамъ. Туземцы, видя цѣлую толпу иностранцевъ, мы ходили компаніей челоуѣкъ въ 20, останавливались и съ любопытствомъ смотрѣли намъ въ слѣдъ или же громко

привѣтствовали насъ на своемъ языкѣ, называя насъ «Московъ», что значить «Москвитянинъ», какъ вообще называютъ на ближнемъ Востокѣ русскихъ. Цѣлыя толпы ребятишекъ бѣгали за нами, протягивая руки за „бакшишемъ“ (на чаекъ) и если кто либо изъ нихъ получалъ монету, то это, однако, его не удовлетворяло,—онъ забѣгаетъ къ вамъ съ другой стороны и опять протягиваетъ руку; такъ, что на первыхъ порахъ эта назойливая босая команда не мало возмущала насъ, но потомъ мы не обращали на нее ровно никакого вниманія.

Въ Смирнѣ намъ впервые горькимъ опытомъ пришлось убѣдиться, какъ скверно быть за границей безъ знанія иностранныхъ языковъ. На почвѣ незнанія послѣднихъ часто можно было наблюдать комичныя сценки. Вотъ, напр. кому-либо изъ насъ понравилась въ магазинѣ та или другая вещь, онъ на русскомъ языкѣ спрашиваетъ приказчика о ея стоимости, тотъ ничего ни понимая, вопросительно смотритъ на спрашивающаго или же качаетъ головою, что-де онъ не понимаетъ, но если же приказчикъ и дастъ отвѣтъ, то уже покупатель его не понимаетъ и оказывается въ непріятномъ положеніи. Видя, что при помощи словесности ничего сдѣлать нельзя, и та и другая сторона переходила на общепонятный языкъ—мимику. Покупатель вынимаетъ кошелекъ и кладетъ на прилавокъ столько, сколько по его мнѣнію стоитъ вещь, приказчикъ смотритъ на положенныя предъ нимъ деньги и, улыбаясь, отрицательно качаетъ головою или же махаетъ руками, тогда къ положенной суммѣ прибавляется еще и еще монета, но тотъ же отрицательный жестъ. Разсерженный покупатель собираетъ всѣ монеты обратно въ кошелекъ и бѣжитъ за помощью къ руководителю—Жузе, который такъ или иначе улаживаетъ дѣло къ взаимному удовольствію и продавца и покупателя. Не мало вносило путаницы и то обстоятельство, что пришлось имѣть дѣло съ турецкими деньгами, съ которыми мы еще не успѣли освоиться и на первыхъ порахъ, опасаясь быть обманутыми, то и дѣло обращались къ тому же руководителю, котораго совсѣмъ затрепали. Но вотъ каждый купилъ себѣ что нужно и часть изъ нашей компаніи отправилась на пароходъ, а часть осталась для закупки провизіи, которая у насъ была общео. Намъ не было надобности итти за провизіей въ какіе либо спеціальныя ряды,—на каждомъ почти шагу можно было встрѣтить рядомъ съ какимъ—нибудь роскошнымъ и огромнымъ магазиномъ одежды, ювелирныхъ издѣлій, жалкую лав-

чонку, съ висящею тушею барана, мало—двумя, изъ лавчонки несется страшный чадъ и запахъ поджариваемаго мяса—то хозяинъ готовить шашлыкъ для посѣтителей. Въ одной изъ такихъ лавчонокъ мы и купили нѣсколько хлѣбовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ изъ себя толстую, большую пшеничную лепешку (ржаного хлѣба на Востокѣ нѣтъ) и нѣсколько десятковъ яицъ; купили двѣ громадныя корзины фруктовъ—абрикосовъ и винограду, которые всюду навалены цѣлыми грудами и продаются баснословно дешево: за фунтъ лучшаго винограду платили по „паричкѣ“ (турецкая мѣдная монета, равняющаяся 2—2 $\frac{1}{4}$ коп. Въ заключеніе забрели не то въ ренсковый погребъ, не то въ ресторанъ,—сбитое изъ досокъ огромное зданіе, похожее скорѣе на наши каретники, если бы не нѣсколько продѣланныхъ въ стѣнахъ оконъ и не совсѣмъ другая обстановка. По срединѣ стояли небольшіе столики, съ сидящими за ними туземцами, распивающими виноградное вино; на задней, прямо противъ входа, стѣнѣ огромныя полки съ разставленными на нихъ большими занумерованными бочками съ натуральными виноградными винами и нѣсколько полокъ съ бутылками. При входѣ насъ встрѣтилъ любезный хозяинъ, съ предложеніемъ отвѣдать и купить вина, а затѣмъ подошелъ къ одной изъ бочекъ, налилъ изъ крана стаканъ вина и предложилъ намъ; но видимо по нашимъ физиономіямъ хозяинъ догадался, что это вино намъ не понравилось, тогда онъ оставшееся въ стаканѣ вино вылилъ тутъ же на земляной полъ и далъ отвѣдать другого вина. Мы купили двѣ четверти натурального винограднаго вина, заплативъ всего лишь три черека (1 р. 20 к.) и направились на пароходъ. Съ наступленіемъ вечера мы долго любовались видомъ на набережную которая вся была залита электрическими огнями и полна гуляющей публики. Около 9 часовъ на палубѣ перваго класса была отслужена священниками—участниками экскурсіи, утренняя, на которой кромѣ насъ присутствовали и прочіе православные паломники, а часу въ двѣнадцатомъ, вмѣсто предполагаемыхъ шести, пароходъ вышелъ изъ гавани.

17-е июня. Часовъ въ 6 утра мы пристали къ острову Хіосу, который въ настоящее время является захудалымъ потомкомъ прежняго богатаго и густо—населеннаго острова. Много пришлось испытать Хіосцамъ на протяженіи многовѣковой исторіи и общественныхъ и стихійныхъ бѣдствій (печальное послѣдствіями возстаніе 1822 года, частыя землетрясенія), но благодатный климатъ и

плодородіе какъ бы вознаграждаютъ туземцевъ за всѣ невзгоды; даже и въ настоящее время Хіосъ, по сравненію съ другими островами Архипелага, является достаточно населеннымъ,—здѣсь и теперь насчитывается до 60 тысячъ жителей—грековъ и ту-рокъ. На нашъ пароходъ явились туземцы съ предложеніемъ варенья и „мастики“, такъ называется благовонная смола изъ фисташковаго дерева, идущая на изготовленіе ликеровъ, варенья и составляющая необходимую принадлежность туалета восточной женщины, какъ укрѣпляющее десна и зубы снадобье. Сдавши грузъ, мы часа черезъ три отправились далѣе. Теперь намъ предстояло ѣхать безъ остановокъ двое съ половиною сутокъ, каковая перспектива скучнаго и однообразнаго пути была не особенно таки пріятна. Опять потянулись предъ нами, то пустынные, то населенные острова и скалы. Вечеромъ и тѣ и другія стали попадаться намъ все чаще и чаще—мы ѣхали среди Цикладскихъ острововъ. Иногда казалось, что послѣдніе совершенно преграждали намъ путь, дальше итти некуда, но два—три поворота и пароходъ опять на свободѣ. Съ наступленіемъ темноты мы впервые наблюдали съ парохода чудную картину освѣщенія моря фосфорическимъ свѣтомъ, испускаемымъ какими то морскими микроорганизмами. Вся вода была усѣяна мириадами маленькихъ—маленькихъ брилліантовыхъ звѣздочекъ, на подобіе нашихъ свѣтлячковъ, которыя нѣкоторое время свѣтились даже въ водѣ, набираемой нами въ пригоршни. Поздно ночью мы прошли мимо Родоса, послѣдняго острова въ Архипелагѣ, и вышли въ открытое Средиземное море.

18-е іюня. Кругомъ небо и вода. Нѣжно-голубая поверхность моря гладка, какъ зеркало. Пароходъ замѣтно покачивается съ одного бока на другой. Жарко. Однообразный видъ безоблачнаго неба и воды скоро надоѣлъ, мы разбрелись по всему пароходу и каждый занялся кто чѣмъ могъ, лишь бы только убить время и разогнать скуку. День показался годомъ. Къ вечеру ужара замѣтно спала и дышалось свободнѣе. Въ девятомъ часе показался маякъ Кипра, но самый островъ мы такъ и не видали, такъ какъ прошли мимо него поздно вечеромъ, оставивъ влѣво версть на 30.

(Продолженіе будетъ).

☉ Утверждение на Тя надъющихся, утверди, Господи, Церковь, ☉

== Миссіонерское дѣло. ==

юже стяжалъ еси честною Твоею кровію.

Раскольническія „мощи“.

(Окончаніе).

Въ февралѣ текущаго года, въ г. Симбирскѣ, на обычныхъ ярмарочныхъ бесѣдахъ, прибылъ, небезызвѣстный въ нашей мѣстности, расколо-австрійскій начетчикъ Ѳеодоръ Егоровъ.

По желанію мѣстныхъ Симбирскихъ старообрядцевъ, я произвелъ съ Егоровымъ, 8 февраля, бесѣду объ австрійскихъ «мощахъ», которую и намѣренъ вкратцѣ изложить здѣсь, въ видѣ дополненія къ тому, что выше сказано объ этихъ „мощахъ“. Для лицъ, занимающихся дѣломъ миссіи и въ особенности для священниковъ, въ приходахъ которыхъ имѣются раскольники австрійскаго согласія, содержаніе моей бесѣды съ Егоровымъ будетъ не только интересно, но и, надѣюсь, полезно.

Бесѣда наша началась съ изложенія мною исторіи „обрѣтенія“ раскольниками своихъ „мощей“ на Кавказѣ, *) при чемъ было прочитано и выше—приведенное письмо лжеепископа Анастасія къ Силуану кавказскому **). Послѣ сего Егорову были поставлены вопросы: „на какомъ основаніи лжеепископъ Антоній Шутовъ и, вслѣдъ за нимъ, вся блго-криницкая „церковь“ признали за „св. мощи“ трупы, найденныя въ карабулакской пещерѣ? Гдѣ чудеса, отъ этихъ „мощей“ исходятъ, историческія свидѣтельства и проч.?“

Егоровъ, не отвѣчая на эти вопросы прямо,—какъ бы это слѣдовало въ столь „несомнѣнномъ дѣлѣ“, какъ „обрѣтеніе мощей“,—началъ цитировать вышеупомянутую книжку М. И. Бриллиантова, гдѣ приведены „показанія“ о кавказскихъ „мощахъ“ семи, якобы допрошенныхъ раскольнической „комиссіей“, лицъ: 1) попа Карпа Попадъина, 2) Ириная Храмова, 3) Ѳеодора Тепина, 4) Ирины Ягодкиной, 5) „полковника“ Ивана Баскакова, 6) жены его Марѣы Баскаковой и 7) священноинока Арсенія Швецова.

*) По книгѣ миссіонера К. Попова—„Расколъ и его путеводители“. Москва 1901 г. изд. 2-е. Цѣна книги 2 р.—стр. 607—629.

**) На бесѣдѣ Егоровъ не отрицалъ подлинность этого письма.

На этихъ подложныхъ показаніяхъ Егоровъ обосновалъ всю свою защиту подлинности своихъ „св. мощей“. Особенно подробно остановился Егоровъ на показаніяхъ „полковника“ (***) Ивана Баскакова и его жены Марѳы. Здѣсь разсказывается о „чудѣ“ съ отломленнымъ отъ одного изъ найденныхъ тѣлъ пальцемъ, который якобы „самъ“ вылетѣлъ изъ шкатулки, въ которой его хранила Марѳа Баскакова, и снова вернулся на свое мѣсто—„приросъ“ къ „мощамъ“.

На это я замѣтилъ Егорову, что „чудо съ пальцемъ“ отъвергаетъ даже ихъ расколынической „епископъ“ Анастасій (см. брошюру Бриллиантова—стр. 35). Что же касается прочитанныхъ Егоровымъ „показаній“ мужа и жены Баскаковыхъ, то и изъ нихъ можно ясно видѣть, что найденные въ карабулакской пещерѣ трупы не только не могутъ быть признаны св. мощами мучениковъ Дады, Гаведдая, Каздои и Гаргала, но и вообще христіанскими тѣлами. Откуда это видно? Иванъ Баскаковъ говоритъ: „въ пещерѣ лежало четыре нетлѣнныхъ тѣла. Два изъ нихъ были совершенно цѣлы и два изрублены на части. Изъ двухъ цѣлыхъ тѣлъ одно было женское, на головѣ у нея были волосы“ (Бриллиантовъ, стр. 22). Тоже свидѣтельствуемъ и Марѳа Баскакова (Бриллиантовъ, стр. 24). Но почему же „волосы на головѣ“ сохранились только у женскаго тѣла, а у трехъ мужскихъ—нѣтъ? Если бы Баскаковы видѣли волосы на головахъ и остальныхъ трехъ тѣлъ, то они не преминули бы „показать“ объ этомъ. Но, очевидно, волосъ этихъ они не видѣли; а не видѣли потому, что ихъ не было. А что на головахъ мужскихъ тѣлъ волосъ не было, ясно можно видѣть изъ „показаній“ другого „свидѣтеля“,—Ириня Храмова. Послѣдній говоритъ: „мнѣ всего болѣе остаются въ памяти явственныя черты этихъ тѣлъ: они такъ были ясны, что не только глаза, губы и прочее, но даже рѣсницы были хорошо видны. Имплили они волосы—я этого не помню“... (Бриллиантовъ, стр. 19). Храмовъ замѣтилъ на тѣлахъ даже „рѣсницы на глазахъ“, а волосъ

*) Во время бесѣды Егоровъ особенно старался подчеркнуть, что онъ читаетъ „показанія“ не простого смертнаго, но именно „полковника“. Но кому же неизвѣстно, что въ религиозныхъ дѣлахъ чинъ полковника не имѣетъ ровно никакого значенія. Да и что это за „полковникъ“, который согласился принять участіе въ завѣдомо—мошеническомъ дѣлѣ „открытія“ расколыническихъ „мощей“?! Къ какимъ только удоволькамъ не прибѣгаютъ расколыники: если ужъ писаніе не выручить такъ, авось, „полковники“ вывезутъ!

видѣль-ли—не помнитъ. Это похоже на извѣстнаго „любопытнаго“ въ баснѣ Крылова: „слона—то я и не примѣтилъ“. Разница только въ томъ, что этого-то „слона“, т. е. волосъ на головѣ и нельзя было примѣтить, ибо ихъ не было. *Но какіе же это „мученики“ съ обритыми „на—голо“ головами?* Ясно, что эти высохшіе трупы принадлежали мѣстнымъ жителямъ—черкесамъ, мусульманамъ, которые обычно бреютъ свои головы. Возражать что-либо противъ этихъ ясныхъ доводовъ Егоровъ былъ не въ состояніи и *долженъ былъ во всеуслышаніе сознаться, что ново-обрѣтенныя мощи были найдены дѣйствительно съ обритыми головами, кромѣ одного женскаго тѣла* (татарскія женщины головъ не бреютъ). „Но что же изъ этого? сказалъ въ заключеніе Егоровъ. Вѣдь Дада, Гаведдай и Гаргаль были персы, а персы—бриоголовые; увѣровали во Христа эти мученики предъ самыми своими страданіями, почему и волосы на ихъ головахъ еще не успѣли отрости“... При этомъ „ловкій“ начетчикъ совершенно упустилъ изъ вида, что въ книжкѣ *Бриллиантова „о персидскихъ мощахъ“ помѣщено изображеніе св. мучениковъ Дады, Гаведдая, Каздои и Гаргала и все они представлены съ волосами, а не бритые.* Да и, кромѣ того, пострадали—то эти мученики въ то время, когда персы еще не были мусульманами и головъ своихъ не брили. Все это было поставлено мною Егорову на видъ, противъ чего онъ не сдѣлалъ ни одного возраженія, сознавая, очевидно, всю невозможность дальнѣйшаго оправданія своихъ татарскихъ „мощей“. *Желая какъ—нибудь вывернуться изъ неловкаго положенія, въ которое я поставилъ его своими доказательствами, и замѣтивъ, что всѣ слушатели, и даже сами старообрядцы, окончательно убѣдились въ подложности раскольническихъ „мощей“, Егоровъ вильнулъ въ сторону и началъ говорить о томъ, что и въ самой—де господствующей православной Церкви были случаи почитанія подложныхъ мощей, при чемъ сослался на указы Св. Синода 1723 г., однимъ изъ которыхъ повелѣвалось изыять изъ употребленія „слоновую кость“, находившуюся у секретаря монастырскаго приказа Бѣляева и выдававшуюся за главу мученика Христофора, а другимъ—воспрещалось устраивать гробницы, съ положеніемъ въ нихъ гробовъ—колодъ, но безъ присутствія св. мощей, что было замѣчено Св. Синодомъ въ Суздальскомъ монастырѣ и нѣкоторыхъ другихъ монастырскихъ и соборныхъ церквахъ.*

На это Егорову было мною замѣчено, что изъ самыхъ же указовъ Св. Синода видно, что *Синодъ борется съ частными злоупотребленіями*, допускавшимися не всею церковію, а только нѣкоторыми лицами, въ дѣлѣ почитанія мощей. *За такія злоупотребленія частныхъ лицъ нельзя обвинять всю Церковь, тѣмъ болѣе, что церковная власть немедленно изыла замѣченныя ею злоупотребленія.* Но такъ-ли поступаютъ Австрійскіе лжеіерархи? Совсѣмъ наоборотъ: узнавъ изъ письма Анастасія Измальскаго о подложныхъ „мощахъ“, найденныхъ на Кавказѣ, Австрійскій „духовный Совѣтъ“ не только не позаботился искоренить изъ своихъ „церквей“ это небывалое кощунство, но и, вопреки очевидной истинѣ, продолжаетъ упорно отстаивать учиненный Антоніемъ Шутовымъ и К^о подлогъ, и даже издаетъ особую книжку о незаконныхъ и завѣдомовживыхъ дѣйствіяхъ назначенной лжеархіепископомъ Савватіемъ „комиссіи“ по изслѣдованію о „кавказскихъ мощахъ“. Что можетъ быть гнуснѣе такого образа дѣйствій? Но заправила раскола не сумѣли даже и подлога—то сдѣлать такъ, что бы дѣлосъ „мощами“ хотя немного походило на истину. Въ книжкѣ Бриллиантова говорится, что въ карабулакской пещерѣ найдено *четыре нетлѣнныхъ тѣла*, яко бы принадлежація св. мученикамъ Дадѣ, Гаведдаю, Каздоѣ и Гаргалу. И тутъ же рядомъ приводится свидѣтельство изъ книги Тъери „*Іоаннъ Златоустъ и царица Евдоксія*“, гдѣ прямо говорится, что *отъ выше названныхъ мучениковъ остались только одни „кости“*, а не тѣла. Вотъ это свидѣтельство: „Императору Феодосію нужно было вести переговоры съ царемъ персидскимъ, по какому дѣлу—неизвѣстно, быть можетъ по разграниченію владѣній, и онъ выбралъ въ послы одного священника изъ провинці Софенской, расположенной на самой границѣ Месопотаміи и Персіи. Посланникъ былъ человекъ простой, но смѣтливый; ведя переговоры по дѣлу, которое было на него возложено, онъ дѣлалъ наблюденія надъ религіознымъ бытомъ персовъ, и замѣтилъ, что сѣмена христіанства не настолько исчезли, чтобы ихъ уже нельзя было воскресить. Полный этой мысли, онъ вошелъ въ довѣріе царя и добился того, что *кости персидскихъ христіанъ, замученныхъ въ царствованіе Сапора (Саворія), въ число которыхъ въ то время были замучены св. мученики Дада, Гаведдай, Каздоя и Гаргалъ*, были ему выданы. Такимъ образомъ, онъ собралъ огромное количество останковъ, кото-

рые переправилъ въ церковь, основанную въ 12 лѣтъ къ сѣверу отъ Амида, на рѣкѣ Нимфеѣ, пограничной обоимъ народамъ.“ (Бриллиантовъ, стр. 7-я; Тъери, «Іоаннъ Злат. и ц. Евдоксія,» М. 1884, стр. 372—373).

Приведя эту историческую справку, Бриллиантовъ горделиво заключаетъ: «комментарій приведенная справка не требуетъ и споръ по этому вопросу (т. е. о томъ, какъ мощи св. мучениковъ Дады, Гаведдая, Каздои и Гаргала могли попасть изъ Персіи на Кавказъ), долженъ быть прекращенъ.» (Брилл. стр. 7). Но гордость, какъ извѣстно, всегда слѣпа. Апологетъ татарскихъ „мощей“ и не замѣтилъ, что *своей справкой онъ самъ же нанесъ смертельный ударъ своей мнимой „церкви.“* Если посоль греческаго царя Θεодосія вывезъ изъ Персіи на Кавказъ только *кости* св. мучениковъ Дады, Гаведдая, Каздои и Гаргала и положилъ ихъ въ церкви, то *какимъ образомъ эти кости могли превратиться въ цѣлыя тѣла, да еще съ обрѣтыми головами и очутиться въ татарскомъ минаретѣ рядомъ съ трупами „зайца, собаки и ястреба“.* (Бриллиантовъ, стр. 22)? Ясно, что раскольники приняли за мученическія тѣла какія-то сухіе трупы неизвѣстныхъ людей и, судя по всему, трупы некрещеныхъ черкесъ.

Противъ этого послѣдняго моего довода Егоровъ не возразилъ ни слова. Да и что можно было возразить противъ очевидной истины? Такимъ образомъ, на бесѣдѣ 8 февраля, *было неопровержимо доказано, что Австрійская раскольническая „церковь“ имѣетъ у себя и почитаетъ за св. мощи черкесскіе трупы,* на которыхъ освящены теперь всѣ расколо-австрійскія „церкви“ и „антиминсы“ (см. письмо Анастасія—выше). Да вѣдаютъ объ этомъ всѣ старообрядцы австрійскаго толка, отъ которыхъ главари австрійщины долгое время скрывали даже столь позорное дѣло. Пусть простецы-старообрядцы хорошенько подумаютъ, *можно-ли оставаться и спасаться въ той «церкви», которая не только окормляется купленнымъ за деньги „священствомъ“, но и совершаетъ таинство причащенія на черкесскихъ трупахъ!?*

Епарх. миссіонеръ-проповѣдникъ,
священникъ *Владиміръ Садовскій.*

ЖИЗНЬ и КНИГИ.

Одинъ изъ выходовъ для поднятiя эмеритальной кассы.

Съ тяжелымъ чувствомъ прочли мы статью о Сурминскаго о близкомъ крахѣ нашей опоры и поддержки въ старости—эмеритальной кассы.

Внося ежегодно въ кассу, мы рассчитывали, что придетъ время, когда уже касса будетъ субсидировать намъ или нашимъ сиротамъ, и потому не откладывали на черный день, какъ это дѣлали наши предшественники, не имѣвшіе надежды ни на эмеритуру, ни на пенсію. Но какое разочарованіе,—только, что касса достигла срока выдачи пособій, какъ уже обнаружилось, что заготовленныхъ средствъ недостаточно, что расчеты и предположенія учредителей кассы ошибочны. Видимо, статистика наука хотя и положительная, но обстоятельства мѣняются, и потому выводы изъ данныхъ статистики получаются не вѣрны. Оно и понятно. Пока не было кассы и казенной пенсіи церковно-служителямъ, всякій священно-цер.—служитель старался какъ можно дольше оставаться на службѣ, пока были хотя малыя силы и пока держало начальство. Не то теперь. Пенсія казенная, пособие эмеритуры рисуютъ соблазнительную картину отдохнуть на старости лѣтъ отъ церковныхъ трудовъ, и при первомъ удобномъ случаѣ уходить за штатъ. У насъ на глазахъ примѣры, какъ лица, выслужившія даже неполную пенсію, не дорожатъ службой—уходятъ за штатъ. И такія лица почти ничего не теряютъ. Вотъ примѣръ. Діаконъ, прослужившій 20-ть лѣтъ, уходитъ за штатъ, по болѣзненному состоянію, хотя онъ еще и можетъ служить; ему присуждаютъ полную пенсію въ 200 руб.; потомъ онъ получаетъ по 2 разр. эмеритуры—60 р въ годъ; сынъ и дочь принимаются на казенное содержаніе, что равняется 150 р.; да пока на его мѣсто не назначенъ преемникъ, онъ пользуется половиной братскаго и земельнаго дохода, каковой равняется, ну-хоть, 200 руб.; итого заштатный діаконъ получаетъ въ годъ 200+60+150+200 всего ок. 650 руб.; а если бы онъ служилъ, то получалъ бы братскихъ 400+150 р. казен. жалованья,—всего 550 р. Слѣдовательно, за штатомъ діаконъ получаетъ на 100 р. больше, чѣмъ на службѣ, плюсъ

отсутствие всякихъ обязанностей. Но мнѣ могутъ возразить, такое т. ск. привилегированное положеніе заштатныхъ временное, пришлютъ замѣстителя и останется одна пенсія и эмеритура—260 руб., но къ этому все же нужно прибавить обученіе дѣтей на казенный счетъ, что, вѣдь, по нынѣшнимъ временамъ составляетъ многое. Самый фактъ, неправоподобность эмеритуры подтверждаетъ, что многіе изъ духовенства уходятъ за штатъ преждевременно, рассчитывая на обезпеченное положеніе за штатомъ.

Такъ вотъ, изъ приведеннаго примѣра нельзя ли вывести какого либо заключенія, которое клонилось бы къ поддержанію кассы? По моему, можно. Не слѣдуетъ ли постановить, чтобы выходящія за штатъ лица получали пособіе эмеритуры не со дня выхода за штатъ, а со дня назначенія замѣстителя, т. е. со дня, когда ушедшій лишается второй половины дохода. Тѣмъ не были бы обижены и уходящіе за штатъ, такъ какъ они еще получаютъ $1\frac{1}{2}$ своего дохода, а кассѣ было бы большое подспорье; глядишь—сотня, двѣ, а то и пять въ годъ остались бы въ кассѣ.

Что же касается предположенія о. Сурминскаго, рекомендующаго выдавать меньше тѣмъ, кто платилъ дольше,—это, пожалуй, и не особенно справедливо. Еще—вопросъ, кто больше нуждается: молодая ли вдова, оставшаяся хотя бы и съ малыми дѣтьми, или пожилая также съ дѣтьми, хотя и постарше. Молодая вдова можетъ, если съ образованіемъ, быть учительницей, а дѣтей примутъ на казенное содержаніе; наконецъ, молодая можетъ быть просфорней; не то—пожилая вдова: куда дѣнется старушка,—служить не можетъ, въ люди идти не смѣетъ, а касса сокращаетъ ей заслуженный $\frac{0}{100}$ за то, что мужъ ея долго платилъ на поддержаніе кассы, свои, быть можетъ, скудныя средства. Простой математическій подсчетъ показываетъ, что сокращать $\frac{0}{100}$ за долготѣіе несправедливо. Возьмемъ: одинъ вносилъ 10 л. по 12 р. всего 120 р.; другой 20 л. по 12 р.=240 р.; дальнѣйшіе взносы 11-й взносъ 12 р. $+\frac{0}{100}$ на 120 р. уже внесенные 4 р. получается—16 р., а 21-й взносъ равняется 21 р., а ему, этому послѣднему, хотя бы убавить пособіе на внесенный рубль.

Правильно ли это?

Нѣтъ, нужно все взвѣснить, «семь разъ примѣрять,» а потомъ ужъ сокращать, но не обижать.

Сельскій священникъ.

Русское духовенство и Отечественная война 1812 г.

К. А. Военский. Изд. Сытина — М. 1912 г., IV + 60. Ц. 10 к.

Приближаются юбилейные дни великой Отечественной войны. Юбилейное воспоминание „Священной години“ вызвало появление на книжном рынкѣ цѣлаго ряда историческихъ работъ, посвященныхъ славнои памяти доблестныхъ подвиговъ и безсмертныхъ заслугъ участниковъ — героевъ 1812 года.

Не забыто и православно-русское духовенство. Его скромный и не такъ замѣтный, какъ громкія дѣла на полѣ брани, духовный подвигъ въ тяжелую годину народныхъ бѣдствій нашелъ достойную оцѣнку въ популярно-исторической кн. дѣйстви- чл. Императ. Рус. Воен.-Истор. об-ва К. А. Военскаго. Съ вѣишней стороны кн. К. А. Военскаго издана прекрасно; отпечатана на хорошей глаз. бумагѣ, со множествомъ удачно подобранныхъ иллюстрацій, портретовъ — имп. Александра Благословеннаго и священниковъ-героевъ 1812 года.

Безъ излишнихъ подробностей, въ связи съ общей картиной эпохи 1812 года, въ легкомъ и сжатомъ изложеніи, рядомъ яркихъ, живыхъ и правдивыхъ картинъ авторъ знакомитъ читателей съ дѣятельностью и заслугами православно-русскаго духовенства въ историческій 1812 годъ. Факты, собранные въ книгѣ К. А. Военскаго, говорятъ сами за себя. Въ дни страха, унынія и скорби народной, среди всеобщаго ужаса и разоренія скромные и робкіе въ обыденной жизни сельскіе пастыри, простые монахи, даже низшіе церковно-служители превращались въ пламенныхъ проповѣдниковъ, въ героевъ святого долга, готовыхъ мужественно защищать святое Православіе и русскую народность.

Горячею проповѣдью самопожертвованія за Вѣру отцовъ и за други своя и личнымъ примѣромъ прав.-русское духовенство въ тяжелую годину нашествія „двадцати языкъ“ всюду поддерживало въ народѣ вѣру, утѣшало страждущихъ, ободряло упавшихъ духомъ. Своею преданностью православной

Вѣрѣ и Родинѣ, своею стойкою и непоколебимою личною вѣрою оно много способствовало подъему народнаго духа и славнымъ успѣхамъ „народной войны“ 1812 года.

Духовную мощь и великія заслуги прав.-русск. дух—ва въ Отечественную войну авторъ иллюстрируетъ примѣрами отдѣльныхъ личностей. Цѣлая вереница священно и церковно-служителей-героевъ 1812 г. проходить предъ читателемъ въ этихъ иллюстраціяхъ. Какъ живые, встаютъ ихъ свѣтлые образы, краснорѣчиво свидѣтельствуя о томъ, какаѣ великаѣ духовная мощь таится подъ скромной рясой пастыря Церкви,—мощь которая только ждетъ, когда наступитъ время обнажить мечъ духовный и возвѣстить правду Божию, о которой такъ хорошо сказалъ поэтъ (Хомяковъ):

„Ея оружье—Божье слово,

А Божье слово—Божій громъ“!..

В. С.

Памяти И. А. Гончарова.

(Къ 100—лѣтію со дня рожденія).

„Что читаешь, все относи къ нравственности“
(Сенека).

Въ романѣ „Обрывъ“ (и здѣсь, и въ дальнѣйшихъ строкахъ объ И. А. Гончаровѣ будетъ рѣчь преимущественно по „Обрыву“) Райскій говоритъ Леонтію Козлову: „Будемъ дѣлать и мы, что бы разбудить это (онъ указалъ вокругъ на стоящія улицы, сады и дома), превращать эти обширныя кладбища въ жилыя мѣста, встряхивать спящіе умы отъ застоя!

— Какъ же это сдѣлать? спросилъ Козловъ.

— Я буду рисовать эту жизнь, отражать какъ въ зеркалѣ...

Эти слова Райскаго (по авторит. замѣчанію Нелюбова, „размышленія Райскаго въ теченіе всего романа составляютъ почти полный критическій комментарий къ произведеніямъ Гончарова“—Покровский, 239), можно принимать за исповѣдь самого Гончарова. Его задача была въ томъ, чтобы „рисовать эту

жизнь". Въ опредѣленіи пути для этого предстоялъ выборъ между различными родами литературныхъ произведеній. Гончаровъ не разбѣгался по всѣмъ ихъ видамъ. Онъ выбиралъ только между двумя: сатирой и романомъ, и остановился на послѣднемъ. Вотъ его слова противъ первой и въ пользу послѣдняго. „Сатира плеть“, говоритъ онъ въ „Обрывѣ“: „ударомъ обожжетъ, но ничего тебѣ не выяснитъ, не дастъ животрепещущихъ образовъ, не раскроетъ глубины жизни съ ея тайными пружинами, не подставитъ зеркала... Нѣтъ, только романъ можетъ охватывать жизнь и отражать человѣка“. „Дѣло романиста“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „чертитъ картины правды, быта, осмысливаетъ и освѣщаетъ основы жизни!

Это, можетъ быть, и было причиною, что Гончаровъ, сколько о немъ ни говорили и не писали, всегда былъ извѣстенъ, какъ писатель „романистъ“, и славу себѣ приобрѣлъ именно своими романами.

Въ нихъ онъ собственно не даетъ никакихъ прямыхъ нравственныхъ уроковъ. Онъ самъ смотритъ на себя прежде всего, какъ на художника; его творчество не плодъ рефлексіи, размышленія, обдумыванія, не дѣло ума, работавшаго на заданную тему, а непосредственный актъ воссозданія дѣйствительности. Онъ наполняетъ умъ читателя яркими образами, превосходными, живописными картинами, проникающими въ самую глубь сознанія и тамъ залегающими въ качествѣ прочныхъ основъ нравственнаго поведенія, всей нравственной личности. Но эти нравственные уроки онъ предоставляетъ право извлекать изъ его произведеній самому читателю.

I.

И прежде всего, по И. А. Гончарову, нѣтъ ничего выше нравственнаго образованія; оно необходимо человѣку, и безъ него мретъ въ человѣкѣ все живое и святое. Такова въ общемъ проповѣдь И. А. Гончарова. Высокая проповѣдь! оставалось бы только желать, чтобы она слышалась чаще отъ передовыхъ людей вѣка и залегала бы глубже въ сердца человѣческія. И

если бы потребовалось подтвердить чѣмъ—нибудь эту проповѣдь, то и въ такомъ случаѣ затрудниться было бы нечѣмъ: можно бы найти множество примѣровъ того, какъ гибли не то-что отдѣльныя личности, а цѣлыя царства и народы единственно отъ того, что они отклонялись отъ нравственнаго пути и шли по волѣ буйнаго и извращеннаго сердца, кто куда хотѣлъ. Но здѣсь вотъ въ чемъ затрудненіе: вѣдь никто же никогда и не отвергалъ собственно нравственности; никто же, вѣдь, строго говоря, никогда и не училъ жить такъ, какъ вздумается, безъ всякихъ правилъ. Иначе говоря: нравственныя понятія были у каждаго народа, проповѣдывались каждымъ мыслителемъ; дѣло собственно—въ томъ, что не всѣ сходились въ понятіи о нравственномъ, а у каждаго было свое нравственное начало. Потому сказать и доказать, что Гончаровъ проповѣдывалъ нравственность и стоялъ за нее, еще ничего не значить. Важнѣе и нужнѣе опредѣлить, что такое была нравственность въ его глазахъ?—

Нравственность обыкновенно считаютъ понятіемъ относительнымъ, значить, не твердымъ, не установившимся. То, говорятъ, что нравственно нынче, можетъ считаться безнравственнымъ завтра. И считая такое мнѣніе вѣрнымъ, всю нравственность челоуѣка обыкновенно и полагаютъ только въ томъ, чтобы жить согласно принятымъ обществомъ и одобреннымъ общественнымъ мнѣніемъ обычаямъ, въ духѣ признаемаго эпохой приличія, въ границахъ принятыхъ уставовъ. Гончаровъ сознавалъ эту относительность слова и понятія и видѣлъ ее даже прямо въ духѣ эпохи. „Послушаешь“, пишетъ онъ въ „Обрывѣ“, „такъ нужная степень нравственнаго развитія у всѣхъ уже есть, какъ будто бы каждый уже достигъ его и носить у себя въ карманѣ, какъ табакерку, что это *само собою разумѣется*, что объ этомъ и толковать нечего. Всѣ соглашаются, что общество существовать безъ этого не можетъ что гуманность, честность, справедливость — суть основныя законы и частной, и общественной жизни, что *честность, честности, честностью и т. д.*

— И все ложь, говорил Райскій. — Въ большинствѣ нѣтъ даже и почина нравственнаго развитія, не исключая иногда и высокоразвитые умы, а есть нѣсколько захваченныхъ, какъ будто на дорогу въ обрѣзъ денегъ — правилъ (а не принциповъ) и внѣшнихъ приличій, для руководства, такихъ правилъ, за несоблюденіе которыхъ выводятъ вонъ, или запирають куда-нибудь.

— У большинства есть decorum принциповъ, а сами принципы шатки и рѣдки, и украшены, какъ ордена, только привилегированныя, отдѣльныя личности. „У него есть правда!“ отзываются такимъ голосомъ о комънибудь, какъ будто говорятъ: „у него есть шишка на лбу!“

— И пожалуй — засмѣялись бы надъ тѣмъ, кто вздумалъ бы серьезно настаивать на необходимости развитія и различія правилъ въ общественной массѣ и обращеніи ихъ въ принципы — также настоятельно и неотложно, какъ на примѣръ, на необходимости неотложнаго построения желѣзныхъ дорогъ. И тутъ же не простили бы ему малѣйшаго упущенія въ умственномъ развитіи: еслибъ онъ осмѣлился не прочесть послѣдняго французскаго или англійскаго, надѣлавшаго шуму, увража, не зналъ бы какойнибудь новѣйшей политико-экономической аксіомы, послѣдняго фазиса въ политикѣ, или важнаго открытія въ физикѣ!

„Умньѣ жить“ ставятъ въ великую заслугу другъ другу, т. е. умньѣ „казаться“ съ правомъ въ дѣйствительности „не быть“ тѣмъ, чѣмъ надо быть. А умньѣемъ жить называютъ умньѣ — ладить со всѣми, что бы было хорошо и другимъ, и самому себѣ, умѣть таить дурное и выставлять — что годится, т. е. приводить въ данный моментъ нужныя для этого свойства въ движеніе, какъ трогать клавиши, большею частью — не обладая самой музыкой“.

Такимъ образомъ, Гончаровъ не смотрѣлъ на вещи одно-сторонне, но умѣлъ въ предметѣ отличать случайное отъ существеннаго, частное отъ общаго. Въ нравственномъ онъ

умѣлъ углядѣть двѣ стороны и отличить каждую изъ нихъ. Въ его глазахъ „*ходячая*“ нравственность существенно отличается отъ *строгой* нравственности.

Вотъ—въ чемъ состоитъ эта послѣдняя, по ученію Гончарова. „Заслуга человѣка“, пишетъ онъ, „почувствовать и удерживать въ себѣ красоту природной простоты и умѣть достойно носить ее, т. е. цѣнить ее, вѣрить въ нее, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею,—слѣд., ни больше, ни меньше, какъ имѣть сердце и дорожить этой силой, если не выше силы ума, то хоть наравнѣ съ нею. А пока люди стыдятся этой силы, дорожа „*змѣиной мудростію*“ и краснѣя „*голубиной простоты*“, отсылая послѣднюю къ наивнымъ натурамъ, пока умственную высоту будутъ предпочитать нравственной, до тѣхъ поръ и достиженіе этой высоты немислимо, слѣдовательно немислимъ и истинный, прочный, человѣческій прогрессъ“.

И такъ, достиженіе „нравственной простоты“—вотъ цѣль стремленій человѣка, а обладаніе такой простотою—желательный идеалъ его. Гончаровъ представляетъ и примѣръ такого человѣка. Это—Тушинъ. Вотъ какъ описываетъ его Гончаровъ.

„Это была „простая“, открытая личность, гдѣ не было почти никакого „лоска“ и никакой „краски“. Это былъ чистый самородокъ, какъ слитокъ благороднаго металла, и полюбить его можно было, кромѣ корыстной или обязательной любви, т. е. какою могли любить его жена, мать, сестра, братъ,—еще какъ *человѣка*.“

„Въ немъ крылась бессознательная, природная, почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности. Онъ какъ будто не звалъ, что дѣлалъ, а выходило какъ слѣдуетъ, какъ сдѣлали бы десятки приготовленныхъ умовъ, путемъ размышленія, науки, труда.“

„Его мнимая „ограниченность“ есть не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли, что и то, и другое, и третье

слито у него тѣсно одно съ другимъ и ничто не выдается, не просится впередъ, не сверкаетъ, не ослѣпляетъ, а тянетъ къ себѣ медленно, но прочно.

„Съ умомъ у него дружно шло рядомъ и билось сердце — и все это уходило въ жизнь, въ дѣло, слѣдовательно и воля у него была послушнымъ орудіемъ умственной и нравственной силъ.

„Жизнь его совершила свой гармоническій ходъ, какъ будто разыгрывалось стройное музыкальное произведеніе, подъ управленіемъ данныхъ ему природою силъ.

„Заслуги мучительнаго труда надъ обработкой даннаго ему матеріала — у него не было и нѣтъ: это правда. Онъ не былъ самъ творцомъ своего пути, своей судьбы: ему, какъ планетѣ, очерчена орбита, по которой она должна вращаться; природа снабдила ее потребнымъ количествомъ тепла и свѣта, дала нужныя свойства для этого теченія — и она идетъ неуклонно по начертанному пути.

„Такъ: но вѣдь не планета же онъ въ самомъ дѣлѣ — и могъ бы уклониться далеко въ сторону. Стройно дѣйствующій механизмъ природныхъ силъ могъ бы разстроиться — и отъ внѣшнихъ притоковъ разныхъ противныхъ вѣтровъ, толчковъ, остановокъ, и отъ дурной, избалованной воли. А у него этого разлада не было.

„Внутреннею силою онъ отражалъ внѣшніе, враждебные притоки, а свой огонь горѣлъ у него неугасимо, и онъ не уклоняется, не измѣняетъ гармонія ума съ сердцемъ и съ волей — и совершаетъ свой путь безупречно, все стоитъ на той высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія, на которую, пожалуй, поставили его природа и судьба, слѣдъ стоитъ почти безсознательно.

„Данный ему талантъ — быть человекомъ — онъ не за-
капываетъ, а пускаетъ въ оборотъ, не теряя, а только выигрывая отъ того, что созданъ природою, а не самъ сдѣлалъ себя та-
кимъ, какимъ онъ есть.

— „Нѣтъ, это не ограниченность въ Тушинѣ“, рѣшилъ Райскій: „эта красота—души, ясная, великая!—Это само благодущіе природы, ея лучшія силы, положенныя прямо въ готовыя прочныя формы“.

Вѣра инстинктивно чувствовала, что сила Тушина, которую она отличила и полюбила въ немъ—*есть общечеловѣческая сила, какъ и любовь ея къ нему была—не исключительное, не узкое пристрастіе, а тоже общечеловѣческое чувство.* Не полюбила она его страстно,—т. е. физически: это зависитъ не отъ сознанія, не отъ воли, а отъ какого-то нерва (должно быть отъ самаго глупаго, думалъ Райскій, отъправляющаго какую—нибудь низкую функцію, между прочимъ—влюблять), и не какъ друга только любила она его, хотя и называла другомъ, но никакихъ послѣдствій отъ дружбы его для себя не ждала, отвергая, по своей теоріи, всякую корыстную дружбу, а полюбила только какъ „человѣка“ и такъ выразила Райскому свое влеченіе къ Тушину въ первомъ свиданіи съ нимъ, т. е. какъ къ *человѣку* вообще. И дѣйствительно, Тушинъ былъ *человѣкъ*, какъ коротко и вѣрно опредѣлила его умная и проницательная Вѣра, такъ думалъ Райскій, вѣдучи съ Тушинымъ въ коляскѣ обратно домой, послѣ шестидневнаго пребыванія въ его лѣсной усадьбѣ.

„Тушины—наша истинная „партія дѣйствія“, наше прочное „будущее“, которое выступить въ данный моментъ, особенно, когда все „это“—оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій—„когда все это будетъ свободно, когда всѣ миражи, лѣнь и баловство исчезнуть, уступивъ мѣсто настоящему „дѣлу“, множеству „дѣла“ у всѣхъ,—когда съ миражами исчезнуть и добровольные „мученики“, тогда явятся, на смѣну имъ, „работники“, „Тушины“ на всей лѣстницѣ общества“.

Такимъ панегирикомъ Тушину Гончаровъ кончаетъ его характеристику. Очевидно,—эта характеристика опредѣляетъ Тушина, какъ *человѣка*, знакомить насъ съ его характеромъ,

съ его нравственностью. Мягкость въ соединеніи съ твердостью, доброта, справедливость, настойчивость и въ трудѣ, — всѣ эти свойства Тушина — чисто нравственныя свойства, характеризующія его, какъ человѣка. Да и вообще, что бы Гончаровъ ни изображалъ — помѣщикью или захолустную смѣшную старину, столичную ли жизнь высшаго общества, жизнь ли дворни или матросиковъ, всюду видитъ онъ человѣка и человѣчески къ нему относится. „Никогда не должно забывать человѣка и человѣчности“, такъ онъ писалъ въ „Обломовѣ“. Онъ видѣлъ, что въ душѣ человѣка присутствуетъ другая жажда, кромѣ животной, другая сила, кромѣ силы мышцъ. „Вы думаете“, говорить у Гончарова Райскій Марку Волохову, „что быть грубымъ — значитъ быть простымъ и натуральнымъ; а я думаю, чѣмъ мягче человѣкъ, тѣмъ онъ больше человѣкъ“.

2.

Достиженіе „нравственной простоты“, на которую Гончаровъ указываетъ человѣку, какъ на цѣль его стремленій, прямо вытекало изъ *взгляда* его на *человѣческую душу и природу*. Какъ человѣкъ, глубоко вѣрующій, благоговѣющій предъ евангельской истиной, Гончаровъ признавалъ за несомнѣнное прирожденность душѣ человѣка идеи безконечнаго, прирожденность вообще человѣку чувства къ истинному, доброму и прекрасному, — такъ давно уже признанную лучшими мыслителями и философами и такъ упорно отвергавшуюся многими современниками Гончарова, находившими удовольствіе считать душу только возможностью или, если хотите, ничѣмъ.

Впрочемъ, прямого ученія о бессмертной душѣ человѣка мы не находимъ у Гончарова. Это ученіе высказывается у него мимоходомъ, какъ такая истина, которую и доказывать нѣтъ необходимости.

Это ученіе излагается у него въ критическомъ разборѣ ученія противоположнаго, представителемъ котораго былъ Маркъ Волоховъ. Ученіе послѣдняго Гончаровъ представляетъ въ та-

кихъ словахъ „Маркъ безпощадно отрицаль все, во что вѣрить, что любить, на что надѣется живущее въ большинствѣ. Маркъ клеймилъ это враждой и презрѣніемъ; но Вѣра (выразительница стараго ученія) и сама многого не признаетъ въ старомъ свѣтѣ. Она и безъ него знаетъ и видитъ болѣзнь; ей нужно знать, гдѣ Америка? Но ея Колумбъ вмѣсто живыхъ и страстныхъ идеаловъ правды, добра, любви, человѣческаго развитія и совершенствованія, показываетъ ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ. Это были фараоновы тоція и коровы, пожравшія толстыхъ и не дѣлавшіяся сами отъ того толще. — Онъ, во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, *отнявши у него другую не животную сторону.* Въ чувствахъ видѣлъ онъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному.

— Самый процессъ жизни онъ выдавалъ и за ея конечную цѣль. Разлагая матерію на составныя части, онъ думалъ, что разложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что выражаетъ матерію.

— Угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожалъ и невѣдомую силу, давшую эти законы только тѣмъ, что отвергалъ ее, за неимѣніемъ пріемовъ и свойствъ ума, чтобы уразумѣть ее. *Закрывалъ доступъ въ вѣчность, къ безсмертію въ тѣхъ религіозныхъ и философскихъ упованіяхъ, разрушая младенческими химическими или физическими опытами и вѣчность, и безсмертіе,* думая своей дѣтской тросточкой, какъ рычагомъ, шевелить дальніе міры и заставляя всю вселенную отвѣчать отрицательно на религіозныя надежды и стремленія „отжившихъ людей“.

— Между тѣмъ, *отрицая въ ч. лозыкъ челоуька съ душой, съ правами на безсмертіе,* онъ проповѣдывалъ какую-то правду, какую-то честность, какія то стремленія къ лучшему

порядку, къ благороднымъ дѣламъ, не замѣчая, что все это дѣлалось не нужнымъ при указываемомъ имъ случайномъ порядкѣ бытія.

— Онъ требовалъ не только честности, правды, добра, но и *вѣры въ свое ученіе, какъ требуетъ ея другое ученіе, которое за нее обѣщаетъ безсмертіе въ будущемъ, и въ залогъ этого обѣщанія даетъ и въ настоящемъ просимое всякому, кто проситъ, кто стучится, кто ищетъ.*

И такъ, безсмертіе человѣческой души было для Гончарова несомнѣннымъ и это—потому, что онъ самъ, въ развитіи своихъ мыслей, всегда слѣдовалъ тому возвышенному ученію, которое принесъ на землю Христосъ. Нужно непремѣнно читать Гончарова въ подлинникѣ, чтобы видѣть, какъ онъ говорить объ этомъ ученіи съ самою горячею любовью, съ чувствомъ сердца, вполне понимающаго всю высоту его. Относясь къ нему въ выраженіяхъ, дышащихъ чувствомъ, онъ тѣмъ самымъ именно какъ бы хотѣлъ показать, что онъ скажетъ только то, что непротивно этому небесному ученію. Гончаровъ такъ характеризуетъ это ученіе въ отличіе отъ новаго. „Новое ученіе не давало ничего, кромѣ того, что было до него: ту же жизнь, только съ униженіями, разочарованіями, и впереди обѣщало—смерть и тлѣнь. Взявши девизы своихъ добродѣтелей изъ книги стараго ученія, оно оболстилось буквою ихъ, не вникнувъ въ духъ и глубину, и требовало исполненія этой „буквы“ съ такой злобой и нетерпимостью, противъ которой остерегало старое ученіе. Оставивъ себѣ одну животную жизнь, „новая сила“ не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого лучшаго идеала жизни.

— Вглядѣвшись и вслушавшись во все, что проповѣдь юнаго апостола выдавала за новыя правды, новое благо, новыя откровенія, она (Вѣра) съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго—не ново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и не новые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой

„цивилизациі“, которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ *старомъ ученіи*.

— Отъ этого она сильнѣе увѣровала въ послѣднее и убѣдилась, что какъ далеко человѣкъ ни иди впередъ, онъ не уйдетъ отъ него, если только не бросится съ прямой дороги въ сторону, или не пойдетъ назадъ, что самые противники его черпаютъ изъ него же, что наконецъ *ученіе это—есть единственный, непогрѣшительный, совершеннѣйшій идеалъ жизни, внѣ котораго остаются только ошибки*.

Такъ, Гончаровъ основаніе своему нравственному ученію и вообще всему своему воззрѣнію полагаетъ въ Евангеліи, ясно вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуя, что и всякое ученіе, что бы быть истиннымъ, должно держаться того же начала. Въ этихъ словахъ Гончаровъ близко подходитъ къ тѣмъ святымъ отцамъ и христіанскимъ ученымъ богословамъ, которые готовы выводить все доброе въ философіи изъ христіанскаго ученія. Что же касается свѣтскихъ писателей, то изъ нихъ рѣдко у кого можно еще встрѣтить такое благовѣніе къ слову Евангелія, какъ у Гончарова. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи могутъ быть съ нимъ сравнены только двое: Вѣлинскій да Достоевскій. Первый изъ нихъ такъ пишетъ объ Евангеліи: „Есть книга, въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, книга безсмертная, святая, книга вѣчной истины, вѣчной жизни—Евангеліе. Весь прогрессъ человѣчества, всѣ успѣхи въ наукахъ, въ философіи заключаются только въ большемъ проникновеніи въ таинственную глубину этой божественной книги, въ сознаніи ея живыхъ, вѣчно непреходящихъ глаголовъ. Основаніе Евангелія — откровеніе истины (Полн. собр. сочин., т. XI, стр. 309)“. „Господи, что это за книга и какіе уроки!“—воскликаетъ Ѳ. М. Достоевскій: „что за книга это св. Писаніе, какое чудо и какаѣ сила даны съ нею человѣку! Точно изваяніе міра и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и указано на вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и откровен-

ныхъ! („Братья Карамазовы“, ч. II, стр. 326. Слова старца Зосимы)“.

3.

Послѣ сказаннаго понятно, какъ серьезно Гончаровъ долженъ былъ смотрѣть на *жизнь и на ея задачу*. Эта жизнь уже не могла казаться ему только какой-нибудь забавой или шуткой. Подобный взглядъ на жизнь могъ только оскорблять глубокаго мыслителя, но уже никакъ не могъ вызывать въ немъ сочувствіи. Мысли Гончарова о жизни встрѣчаются на разныхъ страницахъ его романовъ, главнымъ образомъ въ „Обрывѣ“. И здѣсь прежде всего эти мысли Гончарова высказываетъ Райскій при смерти Наташи. Вникая въ смыслъ ея жизни, онъ говоритъ: „Нѣтъ, — это не та женщина, которая, какъ сильная рѣка, ворвется въ жизнь, унесетъ всѣ преграды, разольется по полямъ. Или какъ огонь освѣтитъ путь, вызоветъ силы, закалитъ ихъ энергіей и броситъ трепеть, жаръ, нѣгу и страсть въ каждый моментъ, въ каждую мысль... *направить жизнь, поможетъ угадать ея смыслъ, задачу и совершить ее*. Гдѣ взять такую львицу? А этотъ ягненокъ нѣжно щиплетъ траву, обмахивается хвостомъ и жметъ ко мнѣ, какъ къ маткѣ... Нѣтъ, это *растительная жизнь, не жизнь, а сонъ*.“

Для Гончарова жизнь была не мечтой и шуткой; онъ отыскалъ ей задачу повыше, которая состоитъ въ томъ, чтобы смертному человѣку, какъ сказалъ Бѣлинскій „выразить достоинство человѣческое, проявить въ себѣ идею божества“ (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 401). Жить для Гончарова — не значить „нѣжно щипать траву, обмахиваться хвостомъ, жаться къ маткѣ“, не значить т. е. столько-то лѣтъ ѣсть и пить, биться изъ чиновъ и денегъ, а въ свободное время, выражаясь словами того-же Бѣлинскаго, „бить хлопучкою мухъ, зѣвать и играть въ карты“ (Полн. собр. сочин., т. IV, стр. 260). Такая жизнь хуже всякой смерти и такой человѣкъ ниже всякаго животнаго, потому что животное, повинуюсь сво-

ему инстинкту, вполне пользуется всеми средствами, данными ему от природы для жизни, и неуклонно выполняет свое назначеніе. Нѣтъ, жить для Гончарова — значитъ чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать, — всякая другая жизнь — „растительная жизнь, не жизнь, а сонъ“. Гончаровъ понималъ, что такая жизнь можетъ быть удѣломъ немногихъ, что она трудна, тяжела. „Безъ жертвъ, безъ усилій и лишеній нельзя жить на свѣтѣ: *жизнь — не садъ, въ которомъ растутъ только цвѣты*“ (курсивъ Гончарова), думалъ Райскій и вспомнилъ картину Рубенса: „Садъ любви“, гдѣ подъ деревьями попарно сидятъ изящные господа и прекрасныя госпожи, а около нихъ порхаютъ амурь.

— Лжецъ! обозвалъ онъ Рубенса: — зачѣмъ, въ пережку съ любовниками, не насажалъ онъ въ саду нищихъ въ рубищѣ и умирающихъ больныхъ. Это было бы вѣрно!“

Подробно свой взглядъ на жизнь Гончаровъ развиваетъ въ разговорѣ Райскаго съ Леонтіемъ Козловымъ. Послѣдній думалъ въ книгахъ найти смыслъ жизни. Но такой взглядъ противорѣчилъ взгляду Райскаго и вотъ онъ возражаетъ Козлову: „Книги! Развѣ это жизнь? Старыя книги сдѣлали свое дѣло; люди рвутся впередъ, ищутъ улучшить себя, очистить понятія, прогнать туманъ, условиться по-опредѣлительнѣе въ общественныхъ вопросахъ, въ правахъ, въ нравахъ; наконецъ привести въ порядокъ и общественное хозяйство... А онъ глядитъ въ книгу, а не въ жизнь!“

— Чего нѣтъ въ этихъ книгахъ, того и въ жизни нѣтъ, или не нужно! — торжественно рѣшилъ Леонтій. — Вся программа и общественной, и единичной жизни у насъ позади: всѣ образцы даны намъ. Умѣй напастъ на свою форму, а она готова. Не отступай только — и будешь знать, что дѣлать. Позади найдешь образцы формъ и политическихъ и общественныхъ порядковъ. И лично для себя тоже самое: кто ты: полководецъ, писатель, сенаторъ, консулъ, или невольникъ, или школьный мастеръ, или жрецъ? — Смотри: вотъ они всѣ — жи-

вые здѣсь — въ книгахъ. Учи ихъ жизнь и живи, учи ихъ ошибки и избѣгай, учи добродѣтели и, если можно, подражай. Да, трудно! Ихъ лица строги, черты крупны, характеры цѣльны и не разбавлены мелочью! Трудно вливаться въ эти величавыя формы, какъ трудно надѣвать ихъ латы, поднимать мечи, сѣкиры! Не поднять и подвиговъ ихъ! Мы и давай выдумывать какую-то свою, новую жизнь! Вотъ отчего мнѣ никогда и никуда дальше своего угла не хотѣлось; не вѣрю я въ этихъ нынѣшнихъ великихъ мужей.

— Стало бытъ, по твоему, жизнь тамъ и кончилась, а это все не жизнь; ты не вѣришь въ развитіе, въ прогрессъ?

— „Какъ не вѣрить, вѣрю! Вся эта дрянь, мелочь, на которую рассыпался современный человѣкъ — исчезнетъ: все это пригготовительная работа, сборъ и смѣсь еще неосмысленнаго матеріала. Эти историческія крохи соберутся и сомкнутся рукой судьбы опять въ одну массу, и изъ этой массы выльются со временемъ опять колоссальныя фигуры, опять потечетъ ровная, цѣльная жизнь, которая впоследствии образуетъ вторую древность. Какъ не вѣровать въ прогрессъ? Мы потеряли дорогу, отстали отъ великихъ образцовъ, утратили много секретовъ ихъ бытія. Наше дѣло теперь — понемногу опять взбираться на потерянный путь и.... достигать той же крѣпости, того же совершенства въ мысли, въ наукѣ, въ правахъ, въ нравахъ и въ твоёмъ „общественномъ хозяйствѣ“, цѣльности въ добродѣтеляхъ, и, пожалуй, въ порокахъ! Низости, мелочи, дрянь — все поблѣднѣетъ: выправится человѣкъ и опять встанетъ на желѣзныя ноги... Вотъ и прогрессъ!

Райскій: „Будемъ дѣлать и мы, чтобы разбудить это (онъ указалъ вокругъ на спящія улицы, сады и дома), превращать эти обширныя кладбища въ жилия мѣста, встряхивать спящіе умы отъ застоя!

— Какъ же это сдѣлать?

— Я буду рисовать эту жизнь, отражать какъ въ зеркалѣ, а ты... *Нужны образцы современной жизни, очеловѣ-*

чизанія себя и всего около себя. Это задача каждаго изъ насъ... Жизнь „для себя и про себя“ (курсивъ Гончарова) — не жизнь, а пассивное состояніе: нужно слово и дѣло, борьба“ „Жизнь достанетъ вездѣ... что ты тогда будешь дѣлать, неприготовленный къ ней?“

Жить не „для себя и про себя“, „очеловѣчивать другихъ“ — вотъ цѣль человѣческой жизни. Гончаровъ не ограничиваетъ назначеніе человѣка той сферой, какой ограничивалось оно современными ему новыми теоріями, выразителемъ которыхъ у него является Маркъ Волоховъ. Судя по этому ученію, Гончаровъ не могъ сказать, да навѣрное и не сказалъ бы никогда человѣку: „существуй-де для самого себя“. Гончаровъ никогда не могъ сказать человѣку того, что говорилъ ему Маркъ, по словамъ котораго люди, при случайномъ порядкѣ бытія, толпятся, какъ мошки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мнутъ, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни, чтобы завтра дать мѣсто другому такому же столбу“, по словамъ котораго „самый процессъ жизни есть и ея конечная цѣль“. Такая цѣль жизни человѣка, такое назначеніе его было слишкомъ ничтожно и обидно для чувства Гончарова. Онъ какъ высоко смотритъ на человѣка, такъ высоко ставитъ и цѣль его. Эту цѣль онъ опредѣляетъ въ стремленіи человѣка къ совершенству, къ „очеловѣчиванію себя и всего около себя“. И эту мысль Гончаровъ выражалъ прямо и энергично, какъ мысль глубоко прочувствованную, хорошо уясненную, мало того, какъ мысль, положенную имъ въ основаніе дѣятельности. Иную цѣль жизни, — цѣль, которую указывалъ человѣку Маркъ, Гончаровъ совсѣмъ не понималъ. „Да, если это такъ“, говоритъ у него Вѣра на вышеприведенныя слова Марка, „тогда не стоитъ работать надъ собою, чтобы къ концу жизни стать лучше, чище, правдивѣе, добрѣе. Зачѣмъ? Для обихода на нѣсколько десятковъ лѣтъ? Для этого надо запастись, какъ муравью зернами на зиму, обиходнымъ умѣньемъ жить, та-

кою честностью, которой синонимъ — ловкость, такими зернами, чтобъ хватило на жизнь, иногда очень короткую, чтобы было тепло, удобно... Какіе же идеалы для муравьевъ? Нужны муравьиныя добродѣтели... Но такъ-ли это? Гдѣ доказательства?"

Равнымъ образомъ Гончаровъ не понимаетъ и такой жизни, когда человекъ застываетъ въ своемъ положеніи. „Что за существованіе“, размышляетъ у него Райскій, „остановить взглядъ на явленіи, принять образъ въ себя, вспыхнуть на минуту и потомъ холодѣть, скучать и насильственно или искусственно подновлять въ себѣ періодическую охоту къ жизни, какъ ежедневный аппетитъ! Тайна умѣнья жить — только тайна длить эти періоды, или лучше сказать — не тайна, а даръ, невольный, бессознательный. Надо жить какъ-то, закрывши глаза и уши — и живется долго и прочно. Итъ и правы, у кого нѣтъ жала въ мозгу, кто близорукъ, у кого туго обоняніе, кто идетъ, какъ въ туманѣ, не теряя иллюзіи! А какъ удержать краски на предметахъ, никогда не взглянуть на нихъ простыми глазами и не увидѣть, что зелень не зелена, небо не сине, что Маркъ не заманчивый герой, а мелкій либераль, Марейнька сахарная куколка“.

(Окончаніе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Миссіонерскій вечеръ.

(15 апрѣля 1912 года).

По благословенію Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Веніамина, Епископа Симбирскаго и Сызранскаго, въ воскресенье, 15 апрѣля, въ 6^{1/2} часовъ вечера, въ залѣ Симбирскаго епархіальнаго женскаго училища, состоялось, подъ личнымъ Архипастырскимъ предсѣдательствомъ, годовое со-

браніе членовъ Симбирскаго Епархіального Миссіонерскаго Совѣта и ревнителѣй Православія.

Мысль относительно устройства миссіонерскаго собранія — вечера дана была Его Преосвященствомъ, во исполненіе которой была составлена слѣдующая программа вечера, утвержденная Его Преосвященствомъ:

1. Пѣніе „Христось воскресе“ ... трижды.
2. Отчетъ (въ извлеченіи) о дѣятельности Симб. Епарх. Миссіон. Совѣта за 1911 г.
3. „Желаніе христіанина“, стихотвореніе.
4. Отчетъ о состояніи миссіи и расколосектантства въ Симб. епархіи за 1911 г.
5. Духовный концертъ „Сей день, его же сотвори Господь“.
6. „Жизнь и чудеса свят. Іоасафа, епископа Бѣлгородскаго, какъ доказательство истинности и спасительности Св. Прав. Церкви.“
7. Гимнъ святителю Іоасафу, музыка А. Архангельскаго...
8. „Николай, Архіепископъ Японскій“.
9. Пѣснь въ похвалу блаженной памяти патріарха Гермогена (къ 300 лѣтію со дня его кончины — 17 февр. 1612 г.). Слова и муз. П. П. Мироносицкаго...
10. Гимнъ патр. Гермогену.
11. „Вѣчная память“ святителямъ Николаю Японскому и патр. Гермогену...
12. „Секта“ Голгоевскихъ христіанъ,“ какъ новый видъ пропаганды социализма и анархизма въ Россіи.“
13. „Боже, Царя храни!“ Народ. гимнъ.
14. Многолѣтіе ревнителѣмъ Православія.
15. „Ангель вопіаше“ и „Свѣтися, свѣтися.“

Цѣлью вечера поставлялись — объединеніе подъ знаменемъ Православія лицъ разныхъ круговъ общества, стремленіе познакомить ихъ съ дѣятельностью „внутренней“ миссіи въ Симбирской епархіи и по возможности возбудить живой интересъ въ обществѣ къ св. дѣлу миссіи.

Ровно въ 6¹/₂ ч. вечера, съ прибытіемъ Его Преосвященства, послѣ пѣнія „Христось воскресе“, вечеръ начался чтеніемъ Предсѣдателемъ Миссіонерскаго Совѣта свящ. С.

Введенскимъ „отчета о дѣятельности Совѣта за 1911 годъ,“ *) въ извлеченіи, въ общихъ и существенныхъ чертахъ. Указавъ на недавнее существованіе Совѣта (съ 10 янв. 1909 г.), отмѣтивъ о дѣятельности Совѣта по поводу появленія секты адвентистовъ въ селахъ Порѣдкомъ и Спѣшнеvkѣ, Сенг. у., отписныхъ отъ Пр. Церкви подъ именемъ „духовныхъ христіанъ“ сектантовъ въ селахъ Крестниковѣ, Симб. у., г. Ардатовѣ, селахъ Алат. у.: Чуварлеяхъ, Аловѣ, Мишуковѣ, — по поводу сгорѣвшаго храма въ с. Кабаевѣ, Алат. у., — центрѣ рационалистическаго сектантства, — пропаганды пашковщины служившими въ югозападномъ краѣ солдатами и по поводу переселенія крестьянъ на т. н. отрубные участки, о. Предсѣдатель Совѣта обратилъ вниманіе на распространеніе въ епархіи брошюры, представляющей исповѣданіе т. н. „Голгоетскихъ христіанъ,“ общему разбору ученія которыхъ посвященъ былъ потомъ докладъ о. Епарх. миссіонера, на этомъ же мис. вечерѣ. Затѣмъ указаны были мѣры, принятыя Совѣтомъ для улучшенія миссіонерскаго дѣла въ епархіи: устройство миссіонерскихъ курсовъ съ 1 по 14 августа истекшаго года, представленный въ Св. Синодъ проектъ реорганизации миссіи, **) рѣшеніе части вопросовъ, имѣющихъ быть разсмотрѣнными на Миссіон. съѣздѣ, на общихъ собраніяхъ членовъ Совѣта Братства св. 3-хъ святителей, благочинническихъ миссіонеровъ и священниковъ приходовъ, зараженныхъ расколосектантствомъ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго руководителя миссіи, чиновника особыхъ порученій при г. Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода д. с. с. В. М. Скворцова,

*) Этотъ отчетъ, какъ и отчетъ о. Епарх. миссіонера, имѣетъ быть напечатанъ въ Симб. Епарх. Вѣд.

**) Кромѣ должности Епарх. миссіонера предполагается учрежденіе должности помощника [Епарх. миссіон. и 3-хъ уѣздныхъ миссіонеровъ изъ безприходныхъ священниковъ, живущихъ въ г. Симбирскѣ, Сызрани и Алатыря и получающихъ по 1700 р. съ разъѣздными жалованіями, въ дополненіе къ существующимъ должностямъ благоч. миссіонеровъ и братчиковъ, при оставленіи о. Сокольскаго и Васина приходскими священниками миссіонерами, съ сохраненіемъ получаемого ими жалованія изъ средствъ Св. Синода.

принявшаго на себя трудъ руководства миссіонерскими курсами, издательство книгъ Совѣтомъ (между прочимъ изданную брошюру „Всѣды Епарх. миссіонера съ Поморскимъ начетчикомъ Л. О. Пичугинымъ,“ вмѣстѣ съ поученіями высокочтимаго члена Мис. Совѣта о. Ректора семинаріи, любезно предоставленными въ распоряженіе Совѣта, отъ имени Совѣта Предсѣдатель и просилъ присутствовавшихъ принять на добрую память о миссіон. вечерѣ), устройство уѣздныхъ миссіон. библиотекъ, снабженіе церковныхъ библиотекъ бѣдныхъ приходоу миссіонерскими книгами и брошюрами; популяризація миссіонерскихъ знаній чрезъ выписку для церквей 1000 экземпляровъ миссіонерскаго календаря: „Другъ христіанина“. Наконецъ, къ числу отрадныхъ явленій въ жизни Симбирской миссіи нужно отнести пастырско-миссіонерское епархіальное собраніе 20 іюня 1911 г., въ сессію епархіальнаго съѣзда духовенства, по инициативѣ и подѣ личнымъ предсѣдательствомъ Его Преосвященства, на которомъ въ присутствіи приглашенныхъ о. Предсѣдателя Совѣта и Епархіальнаго миссіонера-проповѣдника, депутатами отъ духовенства былъ рѣшенъ вопросъ объ ассигнованіи на реорганизацію миссіи по 2400 р. ежегодно подѣ условіемъ ежегодной отъ Св. Синода субсидіи на это дѣло въ 1850 р., — отпущено одновременно на издательскую дѣятельность Совѣта 400 р. и былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію вопросъ о мѣропріятіяхъ по отношенію къ сектантамъ.

По вопросу о средствахъ Совѣта было доложено высокочтимуому собранію, что болѣе или менѣе постоянными средствами Совѣта были: 1) отчисленіе Совѣтомъ Братства св. 3-хъ Святителей $\frac{1}{4}$ части поступленій въ расходный капиталъ его, при условіи уплаты 120 р. помощникамъ уѣздныхъ миссіонеровъ Маврину и Васину и 2) кружечный сборъ по церквамъ 8 сентября, который, по распоряженію Дух. Консистеріи, съ 1912 г. въ продолженіи 5 лѣтъ, будетъ производиться 21 ноября, въ день Введенія во храмъ Пр. Богородицы.

Случайными денежными поступлениями въ Миссіонерскій Совѣтъ были а) поступления—1000 р. изъ средствъ Св. Синода на миссіонерскіе курсы, 200 р. отъ Духовной Консисторіи, 350 р. отъ духовенства, по постановленію епархіальнаго сѣзда, на путевые расходы командированныхъ на курсы и б) добровольныя пожертвованія по подписнымъ листамъ. Нельзя не отмѣтить щедрыхъ пожертвованій Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Веніамина, Епископа Симбирскаго и Сызранскаго 120 р. (100 р. на мис. курсы), членовъ Совѣта Н. П. Пастухова на изданіе вышеназванной брошюры „Всѣды о. Епарх. Миссіонера съ Пичугинымъ“ 50 руб., А. Т. Токарева 23 р. на нужды Совѣта, священника села Семеновскаго, Ард. у., Н. П. Тихомирова на издательскую дѣятельность Совѣта. Особенно достойно вниманія и весьма пріятно отмѣтить сочувствіе Миссіонерскому Совѣту со стороны епархіальнаго духовенства, выразившееся въ ассигнованіи на сѣздѣ духовенства, помимо вышеуказанныхъ суммъ, еще $\frac{1}{2}\%$ съ суммы обложенія въ продолженіи 3 лѣтъ, на пополненіе миссіонерскими книгами и брошюрами миссіонерскихъ бібліотекъ епархіи. Въ заключеніе отъ имени Симбирскаго Епарх. Мис. Совѣта Предсѣдателемъ Совѣта была выражена сыновняя глубокая и искренняя признательность Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Веніамину, Епископу Симбирскому и Сызранскому, за руководство и за пожертвованія и глубокая искренняя благодарность учрежденіямъ и лицамъ—благотворителямъ, и всѣмъ ревнителямъ, и сочувствующимъ дѣлу миссіи.

Затѣмъ ученикъ VI кл. дух. семинаріи Л. Архангельскій продекламировалъ стихотвореніе „Желаніе христіанина“ (изъ календаря „Другъ христіанина“ подъ 11 апрѣля 1912 г.) и съ особеннымъ подъемомъ чувства произнесъ слова:

„Господь! дай чувство мнѣ живое,

Чтобы сердцемъ я обнялъ моимъ

Все то спасенье дорогое,

Что Ты принесть Крестомъ Своимъ...

Къ отцу Небесному представилъ, (І. Христосъ)

Ему меня усыновилъ,

И въ чудный рай меня направилъ,

И въ Православной Церкви дарами Духа освятилъ“...

О. Епарх. миссіонеръ представилъ въ извлеченіи, кратко, **отчетъ о дѣятельности миссіи за 1911 годъ**, при чемъ, послѣ указанія состава миссіи, коснулся тяжелыхъ условій миссіонерской дѣятельности, при наличности свободнаго отношенія, иногда отрицательнаго, въ печати и жизни, не только къ Православію, но и вообще къ самому христіанству. Специальная миссія, совмѣстно съ пастырями приходскими, по мѣрѣ силъ ограждаетъ православное населеніе отъ враждебнаго натиска воинствующаго расколо-сектантства и отъ растлѣвающаго вліянія т. н. „лѣвой“ печати; безъ миссіи разрушительный потокъ расколо-сектантскій былъ бы болѣе разрушителенъ.

Смѣшанный (мужской и женскій) хоръ чувашской учительской школы прекрасно исполнилъ *духовный концертъ* Бортнянскаго: „Сей день, его же сотвори Господь“.

(Окончаніе будетъ).

ИНОЕПАРХІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По вопросамъ первостепенной важности.

Обязательность церковной проповѣди.—Руководство для проповѣдничества.—Что читаетъ духовенство.—Враги не дремлютъ.—Необходимо домашнее систематическое духовное чтеніе.—Церковныя бібліотеки не отвѣчаютъ своему назначенію.—Отечественное пчеловодство, какъ народное и церковное дѣло.

Въ предъидущемъ номерѣ мы имѣли случай отмѣтить фактъ особеннаго вниманія духовной печати къ вопросу о **пастырской проповѣди**. Естественно, что онъ подвергается внимательному разбору и на различныхъ пастырскихъ собраніяхъ, которыя иногда дѣлаютъ весьма важныя постановленія въ этомъ отношеніи. Такъ, въ текущемъ году собраніе благочинныхъ Рязанской епархіи постановило слѣдующее: катихизація должна вестись по мѣрѣ возможности въ вечернее время; проповѣдь за

литургіей, хотя бы краткая, должна быть обязательной въ каждой церкви въ каждый воскресный и праздничный дни; при этомъ Собраніе выразило желаніе, чтобы, въ качествѣ пособій и руководствъ для катихизаціи и проповѣдничества, въ каждой церкви имѣлись всѣ изданія священника Дьяченко, а также изданія: протоіер. Царевскаго, Толмачева, прологъ поученій протоіер. Гурьева. Для той же цѣли необходимо также имѣть и «Душеспасительныя чтенія на каждый день года» преосвящен. Василия, епископа Можайскаго, подъ заглавіемъ «Святые учителя вѣры и благочестія» (Спб. 1907—1908 г., т. 1—12). Кстати — нѣсколько словъ объ этой новой книгѣ. Въ ней ни одна характерная черта изъ житія того или другого святого не опущена авторомъ, но все здѣсь подчеркнуто, все сведено къ единству, изложено точнымъ, краткимъ, яснымъ и чистымъ литературнымъ языкомъ. Методъ автора—таковъ. Подъ числомъ, въ порядкѣ мѣсяцеслова, выписываются дневные святые, о которыхъ авторъ имѣетъ въ виду повести свою рѣчь. Внизу указывается вся литература излагаемаго житія. Затѣмъ слѣдуетъ прекрасно выполняемое въ вышеотмѣченномъ смыслѣ изложеніе самаго житія, всегда очень обстоятельное, основательное и подробное, но всегда же умѣло избѣгающее и излишнихъ длиннотъ и второстепенныхъ подробностей, всегда интересное и никогда не скучное. Затѣмъ слѣдуетъ самое примѣчательное въ настоящемъ трудѣ преосв. Василия, а именно имъ самимъ вполнѣ самостоятельно дѣлаемое нравственное приложеніе или выводъ изъ даннаго житія. Въ результатѣ этого «приложенія» или, лучше сказать, настоящаго гомилетическаго поученія—предъ взоромъ читателя святой угодникъ Божій вырастаетъ во всю свою знаменательную величину, во весь свой могучій нравственный ростъ и привлекаетъ къ себѣ не только уже умъ и даже сердце читателя, но располагаетъ къ подражанію и самую волю читателя. Вотъ чѣмъ особенно отличителенъ и до незамѣнимости дорогъ этотъ въ высшей степени цѣнный трудъ преосв. Василия для пастырей церкви въ ихъ заботахъ о проповѣдничествѣ въ приходѣ.

По вопросу о мѣрахъ и способахъ борьбы съ невѣріемъ и нравственною распуценностью то же Собраніе благочинныхъ постановило: имѣть при каждой церкви какъ можно болѣе брошюръ и листковъ для раздачи народу,—для этой цѣли на первое время можно выписывать брошюры и листки: «Петербургскаго

мисіонерскаго Совѣта», Троицкіе листки и др. По доказательствамъ Самарскихъ епарх. вѣдомостей (№ 8), духовенство должно принимать энергичныя мѣры къ распространенію среди своихъ пасомыхъ духовной литературы во всѣхъ видахъ, въ противовѣсъ современной противорелигіозной печати, такъ усердно распространяемой среди народа врагами Церкви и духовенства. Но въ этомъ отношеніи, по увѣренію тѣхъ же вѣдомостей, грѣшаютъ многіе священники, ибо и сами они мало читаютъ по части духовной литературы. Одинъ изъ священниковъ Самарской епархіи задался крайне интереснымъ вопросомъ, что читаетъ духовенство—духовную литературу или больше свѣтскую, и, путемъ фактическихъ данныхъ, пришелъ къ выводу о слабости развитіи среди духовенства (правда—одного уѣзда Самарской епархіи) духовнаго самообразованія и объ отсутствіи у большинства пастырей и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ—діаконъ и псаломщиковъ интереса къ чтенію книгъ и журналовъ, отвѣчающихъ цѣлямъ и задачамъ своего служенія. Воспользуемся цифровыми выводами автора. Изъ всего наличнаго духовенства уѣзда 84% никакихъ духовныхъ журналовъ, кромѣ офиц. Церковныхъ и Епарх. Вѣдомостей, не получаютъ. Остальная часть (16%) духовенства въ 1912 году получаютъ слѣдующія изданія духовнаго содержанія: Колоколъ—10 экз., Мисіон. Обзорѣніе—4, Русскій Паломникъ—6, Кормчій—2, Трезвая Жизнь—3, Воскресный День—5, Церковный Вѣстникъ—2, Приход. Священникъ—1, Богословскій Вѣстникъ—1, Голосъ Церкви—1, Православный Благовѣстникъ—1, Трезвые Выходы—1 и къ Свѣту—1. Что же касается городскаго духовенства, то оно и совсѣмъ никакихъ періодическихъ духовныхъ журналовъ не выпиываетъ и не читаетъ. Но за то, по доводамъ автора, духовенство больше вниманія удѣляетъ свѣтской литературѣ, не имѣющей никакого отношенія къ пастырскому служенію. Духовенства, получающаго свѣтскіе журналы и газеты, въ уѣздѣ почти 60%. Есть священники, получающіе по нѣскольку свѣтскихъ журналовъ и газетъ, но ни одного духовнаго. Вотъ списокъ свѣтскихъ журналовъ и газетъ, получаемыхъ духовенствомъ уѣзда: Рус. Чтеніе—3, Голосъ Самары—3, Нов. Время—1, Голосъ Москвы—1, Русское Слово—6, Весельчакъ—2, Всемирная Новь—1, Волжское Слово—4, Вѣстникъ Знанія—1, Русскія Вѣдомости—1, Нива—6, Судебныя Драмы—1, Раннее Утро—3, Фотограф. Новости—1, Новый журналъ для всѣхъ—4, Природа и

Люди—3, Биржевыя Вѣдомости—5, Копѣйка—2, Всеобщая Газета—2, Популярная литература медицины—1. Конечно, говорить авторъ, духовенство не должно чуждаться свѣтской литературы, но оно ни въ какомъ случаѣ не должно увлекаться ею, читать исключительно ее одну и оставлять духовную литературу безъ вниманія. На первомъ мѣстѣ должно быть самообразование духовное, чтеніе книгъ и журналовъ богословскаго и духовнаго содержанія. По глубокому убѣжденію автора, каждый священникъ долженъ выписывать по нѣскольку духовныхъ журналовъ, располагать къ тому членовъ причта, учащихъ церковно-приходскихъ школъ и прихожанъ, улучшать церковную бібліотеку, открывать бібліотеки съ книгами духовнаго содержанія и раздавать брошюры и листки такого же содержанія. На пополненіе церк. бібліотекъ дозволяется причтамъ, по согласію со старостами, безъ разрѣшенія епарх. начальства, но съ вѣдома благочиннаго, употреблять кошелевыхъ суммъ до 50 р. (Ук. Св. Син. 1865 г., 17 дек.). Церковные старосты не могутъ препятствовать приобрѣтенію для церковной бібліотеки книгъ и духовно-нравственныхъ изданій, т. к. это ихъ прямая обязанность (Инстр. церк. ст. § 22, п. 3). И дѣлать это тѣмъ болѣе необходимо, что сами прихожане рѣдко выписываютъ духовные журналы, а больше получаютъ свѣтскіе журналы и газеты, которые расходятся по уѣздамъ въ тысячахъ экземпляровъ и въ которыхъ нерѣдко подрываются народныя вѣрованія и нравственное чувство.

Къ этому научному духовному чтенію обязываетъ и крайне большое и быстрое развитіе и возникновеніе разныхъ сектъ и старанія различныхъ издательскихъ антихристіанскихъ фирмъ. Однимъ словомъ, **враги не дремятъ.** Вотъ и факты. Таврической церковно-общественный вѣстникъ (№ 10—11) словами «Колокола» свидѣтельствуетъ, что въ Берлинѣ и Лейпцигѣ издательская фирма «Дидерихсъ» специально занялась изданіемъ цѣлаго ряда книгъ (Вейса, Хвольсона, Циммермана и др.), которыя трактуютъ даже о томъ, жилъ ли въ дѣйствительности Иисусъ Христосъ, какъ будто этотъ вопросъ подвергается сомнѣнію въ исторической наукѣ. Любопытно и то, что подрывъ христіанской религіи исходитъ отъ пастора Дрекса, въ 1910 г. издавшаго книжку «Die Christus mythe». Впрочемъ, нѣмецкіе пасторы давно уже начали учить, что христіанская религія, по своему происхожденію, не есть откровеніе свыше, не имѣеть

таинственного начала, а должна считаться за историческое явление, порожденное слиянием двух образовательных духовных течений: юдаизма и эллинизма. По уверению этих новых учителей, христианство народилось безъ Христа въ движеніи рабовъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ Римѣ, а Христось только воплощалъ собой общій идеаль данной эпохи, Онъ есть „его проэція въ личномъ образѣ“. Подобныя же идеи поддерживаютъ и проповѣдуютъ и англиканскіе священники, нѣсколько портретовъ которыхъ далъ г. Діонео въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» въ статьѣ «Клерджимены». Конечно, все это—только дерзкія выходки враговъ христианства. Имъ не опровергнуть Христа, какъ историческую личность. Его историческое существованіе и именно въ извѣстный историческій періодъ времени установлено точными данными современныхъ и позднѣйшихъ историковъ. Все это, однако, нужно знать, обо всемъ этомъ необходимо читать. Въ этихъ то фактахъ и имъ подобныхъ и коренится необходимость для духовенства его самообразованія, духовной начитанности. Особенно необходимо домашнее систематическое чтеніе для пастырей, не получившихъ богословскаго образованія. По мнѣнію одного батюшки (Самар. епарх. вѣд. № 8), въ этомъ дѣлѣ должны помочь преподаватели семинарій, епарх. женскихъ училищъ, другія лица съ духовнымъ высшимъ и спеціальнымъ богословскимъ образованіемъ, напр. епархіальные миссіонеры и др... Они должны быть призваны образоватъ изъ себя Комиссію по организаціи домашняго чтенія по предметамъ богословскихъ наукъ, а затѣмъ, выработавъ систему такого чтенія, издать программу. «Желательно было бы», пишетъ этотъ батюшка въ статьѣ: «Одно изъ средствъ къ поднятію уровня богословскаго образованія среди духовенства», чтобы программа домашняго чтенія дѣлилась на два отдѣла съ подраздѣленіемъ въ свою очередь каждаго изъ нихъ на три систематическихъ курса. Первый отдѣлъ будетъ отличаться отъ второго по своему разнообразію въ предметахъ. Въ него войдутъ, помимо чисто богословскихъ наукъ (догматическаго, нравств., основн. и обличит. богословій), еще и слѣдующіе предметы: церков. исторія, церк. право, изъясненіе Свящ. Писанія ветхаго и новаго завѣтовъ, литургика, гомилетика, логика, философія, психологія, исторія русскаго раскола и сектанства. По каждому предмету системат. курсъ, послѣ указанія руководствъ, долженъ быть поставленъ рядъ по-

върочныхъ вопросовъ и нѣсколько темъ для письменныхъ работъ. Размѣръ чтеній каждаго систематическаго курса слѣдуетъ разсчитать такъ, чтобы онъ могъ быть усвоенъ читателемъ въ продолженіе одного года, при среднемъ досугѣ и при серьезной готовности работать. Для провѣрки приобрѣтеннаго читателями знанія въ концѣ каждаго систематическаго курса комиссіей долженъ быть предложенъ рядъ вопросовъ по всѣмъ предметамъ, на которые читатель долженъ дать комиссіи въ скатыхъ выраженіяхъ отвѣты и, если таковые окажутся удовлетворительными, то читатель зачисляется на слѣдующій курсъ“. Въ своемъ проэктѣ авторъ идетъ далѣе.—Расходы по изданію Комиссіей программъ, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ у послѣдней, можетъ взять на себя духовно-просвѣтительное братство. Издержки на эти расходы будутъ временныя, такъ какъ потомъ онѣ должны будутъ покрыться выручкой отъ продажи программъ читателямъ. Въ письменныхъ сношеніяхъ съ Комиссіей всѣ расходы безусловно должны ложиться на читателей. Кромѣ того, читатели должны будутъ платить Комиссіи за ея руководство по 2 руб. за каждый систематическій курсъ, что не составитъ бремени для матеріальной стороны послѣднихъ, а Комиссіи они будутъ нужны на разные случайные расходы. Что же касается руководственныхъ книгъ для чтенія, которыя будутъ указаны въ программѣ, то таковыя должна дать читателямъ церковная библіотека. Если какихъ-либо изъ указанныхъ въ программѣ книгъ и не окажется въ ней, то необходимо будетъ выписать ихъ. **Руководственные книги** во всякое время и для каждаго пастыря **необходимы**, поэтому онѣ должны составлять фундаментъ церковныхъ библіотекъ. Въ настоящее же время, по наблюденіямъ автора, во многихъ церквахъ **церковныя библіотеки не отвѣчаютъ своему назначенію**. Во многихъ изъ нихъ не найдешь ни одного цѣннаго произведенія, не говоря уже о руководственныхъ книгахъ. Всѣ мѣста въ такихъ библіотекахъ заполнены періодическими изданіями, или же брошюрами, изъ которыхъ многія и разрѣзаются только подъ обрѣзомъ переплетчика.—Съ приведенными наблюденіями и разсужденіями Самарскаго батюшки нельзя не согласиться.

Еще одно замѣчательное извѣщеніе.—Недавно русскимъ обществомъ пчеловодства разослано было къ духовенству обращеніе (со словъ газеты „Свѣтъ“ въ Таврич. церковн.-общест. вѣстникѣ—№ 10—11) о содѣйствіи обществу въ дѣлѣ развитія

пчеловодства съ зловѣщимъ указаніемъ, что „добыча меда и воска въ Россіи съ каждымъ годомъ падаетъ; медъ сдѣлался предметомъ роскоши, а воску ежегодно привозится въ Россію изъ заграницы на шесть милліоновъ рублей; въ русскихъ православныхъ храмахъ горятъ свѣчи изъ иностраннаго воска, и нерѣдко даже изъ такихъ веществъ, которыя ничего общаго съ пчелинымъ воскомъ, не имѣютъ“. Что замѣнить со временемъ русскому народу восковую свѣчу, покажетъ будущее, но упраздненіе ея, по справедливому замѣчанію „Тавр. Вѣстника“ нанесетъ несомнѣнно большой ударъ ему какъ съ моральной, такъ и съ матеріальной стороны. И если кому, то духовенству необходимо приложить всѣ свои силы къ возрожденію **отечественнаго пчеловодства, какъ народнаго и церковнаго дѣла**, и не дать угаснуть этому источнику меда, воска и свѣта. По мысли того же Вѣстника время для этого теперь исключительно благоприятное. Теперешній г. оберъ-прокуроръ Св. Синода съ тревогой смотритъ на состояніе пчеловодства и на тѣ затрудненія, которыя съ каждымъ годомъ разрастаются, въ пріисканіи заводами воска для выдѣлки церковныхъ свѣчъ. Уже лѣтъ 10 тому назадъ В. К. Саблеръ, устраивавшій въ то время въ Тульской губерніи въ своемъ имѣніи высшую церковно-учительскую школу, живо интересовался постановкою пчеловодства, какъ у насъ, такъ и за границей, желая въ возможно-лучшей постановкѣ ввести его въ церковно-учительскихъ школахъ. И вотъ, въ бесѣдѣ о постановкѣ пчеловодства, услышали тогда отъ В. К. Саблера, что „его мечта—чтобы будущіе учителя и учительницы церковныхъ школъ, при окончаніи курса, въ награду вмѣсто книгъ получали лучшей системы улы“. Въ настоящее время остается только пожелать, чтобы это осуществилось—на благо народа и Церкви.

Содержаніе: Архіепископъ Николай Японскій.—Изъ дневника паломника во Св. Землю—Миссіон. дѣло: Раскольническія „мощи“—Жизнь и книги: Одинъ изъ выходовъ для поднятія эмерит. кассы.—Русское духовенство и отечеств. война.—Памяти И. А. Гончарова.—Епарх. лѣтопись: Миссіонерскій вечеръ.—Иноепарх. обозрѣніе.

Печатать дозволяется. Сибирскъ. 15 мая 1912 года.

Цензоръ протоіерей Сергій Медвѣдковъ.

РЕДАКТОРЪ А. ЯХОНТОВЪ.

Сибирскъ, 1912 г. Типо-лит. А. Т. Токарева.

Золотыя медали на выставкахъ:

Нижегородской 1896 г., Казанской
1909 г. и Ростовской 1908 г.

Величайшій колокольный заводъ

ПОВОЛЖЬЯ

Бр. ПРИВАЛОВЫ,

въ Н. Новгородѣ, Канавино.

Всегда имѣются колокола, для про-
дажи отъ 300 пуд. и ниже, отлича-
ющіеся особой мелодичностью, кра-
сотой и силой звука.

Поставщики Епархіальныхъ заводовъ
г. Симбирска и Самары.

**Гарантія за благозвучность и проч-
ность колоколовъ.**

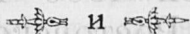
Разсрочка платежа.

Масса благодарственныхъ отзывовъ
и высшихъ наградъ на выставкахъ.

Подробные прейсъ-нуранты бесплатно.

ПОЛУЧЕНЫ СЕЗОННЫЯ НОВОСТИ.

МОДНО-МАНУФАКТУРНЫЙ

СУКОННЫЙ МАГАЗИНЪ

наслѣдницы

П. А. ПАСТУХОВА

въ Симбирскѣ, Гостинный дворъ.

Фирма существуетъ съ 1865 года.

Имѣетъ въ громадномъ выборѣ:

ФОРМЕННАЯ МАТЕРИЯ

для всѣхъ вѣдомствъ и учащихся.

Суконные, шерстяные, шелковые,
парчевые, полотняные и бумажные
товары.

Цѣны вѣ конкуренціи.

Мануфактурная фирма н-цы Пастухова состоитъ контрагентомъ Симбирскаго Общества Потребителей.

ТЕЛЕФОНЪ № 53.

РУССКИХЪ И ЗАГРЯНИЧНЫХЪ ФАБРИКЪ